

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Стая бешеных

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Стая бешеных / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Преуспевающая, удачливая бизнес-леди вдруг оказалась брошенной на самое дно общества. Складывается впечатление, что вокруг нее сложился заговор, сгустились тучи зла, и источник их никогда не будет найден... Но защищать ее берется адвокат Юрий Петрович Гордеев, на помощь которому в этом крайне запутанном деле приходит известный уже читателям «важняк» из Генеральной прокуратуры Александр Борисович Турецкий.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	36
Глава 10	39
Глава 11	46
Глава 12	53
Глава 13	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Фридрих Незнанский

Стая бешеных

Глава 1

СТАЯ

- Ой, какая собачка!
- Не трогай.
- Почему?
- Она может быть больная.
- Простудилась?
- Не знаю. Может быть. Хотя, кажется, собаки не простужаются.
- Mam, а давай ее домой возьмем и вылечим.
- Oставь, кому сказано.
- Ой, мам, еще одна, смотри, какая волосатая. Можно ее погладить?
- Не волосатая, а лохматая. Не трогай!
- Ей, наверное, тепло. Она не простудилась. Давай эту домой возьмем.
- Нет, и эту мы домой не возьмем. У тебя дома есть кошка, собаки с кошками не уживаются.
- А я по телевизору видела, как кошка с собакой жили. Мультфильм... Ой, мама, смотри, еще две. Ну, мам, ну, пожалуйста, ну давай хоть одну возьмем.
- Все, пора домой. Пошли.
- Mam, смотри, сколько их! Собачки-собачки! Идите ко мне!
- Пошли, пошли...
- Ой, мам, их, наверное, тысяча миллионов, да?
- Дай руку. Иди сюда.
- Mam, а почему они на нас так смотрят?
- Не знаю. Пошли, только тихонько.
- Мама, а почему они рычат? Они злятся, да?
- Наверное.
- А что мы им плохого сделали?
- Ничего. Иди ко мне на руки.
- Не пойду, я уже взрослая девочка. Мама, а они нас не пускают, да?
- Иди ко мне на руки, кому я сказала! Быстро!
- Мама, а они нас укусят?
- Да что ж это делается? Среди бела дня... Я тебя сейчас посажу на дерево, и ты там будешь сидеть и не слезать, поняла?
- Я не хочу на дерево. Ты сама говорила, что на деревья лезут только плохие мальчишки.
- Помогите!
- Мама, я боюсь! Мама, не бросай меня. Мама, почему они гавкают на нас? Мама!
- Помогите!!!
- Мама!!!
- «Жигули» взвизгнули на повороте и на скорости врезались в стаю псов, обступивших женщину и девочку на дереве.
- Стая бросилась врассыпную, но отбежала недалеко.
- Садитесь, быстро! – закричал мужчина, распахивая дверцу машины.

Женщина сдернула с дерева дочь и нырнула в салон.

Еле успела захлопнуть дверцу, собаки уже налетали рычащей стаей.

– Вы плохой дядя, – сказала девочка. – Вы чуть не задавили собачку.

– Ты что, глупая, дядя нас спас. Спасибо вам.

– Да не за что. Вы где живете?

– Вот здесь, вот в этом подъезде. Мы просто во двор вышли погулять. Господи, откуда их столько? И какие злые...

Собаки за тонкими стенками машины заходились в лае и рыке.

– Придется подождать, – сказал мужчина.

– Нет, мы домой сейчас не пойдем. Давайте поедem в милицию, если можно.

– Вы так считаете?

– А вы как считаете?

Лохматый пес, который так понравился девочке, вскочил на капот и злобно лаял теперь в самое лицо женщине.

– Мама, они хотели нас укусить?

– Да.

– Ну что ж, поехали.

Машина тронулась с места, собаки снова отбежали и снова недалеко. Они огромной стаей провожали «жигуленок» до дороги. Потом разом остановились и помчались куда-то в глубину дворов.

Глава 2

БИЗНЕС-ЛЕДИ

Она просто измучилась, пока летела из Праги. Нет, самолет ее вполне устраивал, это был настоящий «Боинг», не страшный аэрофлотовский «Ил», который разве что подталкивать не приходится при взлете. Тихая прохлада в салоне, кресло, с угодливой нежностью откидывающее спинку, всегдашние мятлые пастилки у стюардесс. К счастью, ее соседи были неразговорчивы. У окна сидел надушенный толстяк с курчавой бородой, стыдливо поджимавший ноги, чтобы ненароком не коснуться ее жирным коленом, со стороны прохода аккуратная пожилая дама с фиолетовыми волосами – видимо, иностранка. Ирина достала плеер и включила музыку, чтобы хоть как-то снять напряжение. Но обычно любимая музыка (она слушала Верди, и ей действительно нравилась несложная классика) скользила мимо слуха. Внимание ее было рассеянно, мысли путались в голове, перескакивая с предмета на предмет, то и дело возвращаясь к событиям последних дней в Праге. Ощущение близкого счастья не оставляло Ирину, и, хотя дожидаться радости – тоже радость, она томилась сейчас в этом комфортабельном американском салоне, сознавая, что от Москвы ее отделяют несколько лишенных событий часов, а от окончательного счастья не меньше недели. Счастье на этот раз ей, обычно идеалистке, представлялось тридцатью тысячами зеленых долларов, которые с легкостью превращались в ремонт, полную и шикарную смену гардероба и отпуск в Италии. Ирина была горда и несколько не стыдилась перед собой, что она, натура возвышенная и даже в чем-то поэтическая, радуется деньгам самой большой радостью последних лет. Вслед за Пушкиным она полюбила повторять: «Я люблю не деньги, а свободу, которую они дают». Свободы в деньгах ей недоставало, особенно последнее время. По московским понятиям она зарабатывала, что называется, «очень прилично», но «очень приличного» не хватало девушке, которая хотела жить в Москве, как в Европе. Квартира в старом арбатском доме тихо разваливалась, текли гнилые трубы, прорву денег сжирал автомобиль – хорошо выглядеть, давая понять сослуживцам, все больше гражданам иных держав, что и она не лаптем щи хлебает, было временами сложновато. Но она не унывала, зная, что со своим умом и талантом пробьется на службе. Кроме того, Ирина была остроумна, добра и, пожалуй, весьма хороша собой. Красавицей она себя оправданно не считала. Несмотря на то что все ее знакомые, упоминая о ней в компании, где ее не знали, говорили – «очаровашка» или еще что-нибудь в этом роде, ее красота не вписывалась в стандарт. У нее, пожалуй, были широковаты плечи, и завистливая ресепционистка как-то, якобы восхищенно, но с тайным ядом спросила: «Ты, наверное, хорошо плаваешь? У тебя такие плечи широкие, как у пловчихи». Ирина никогда не занималась плаванием профессионально, но плавала она действительно хорошо, и только коротко ответила: «Да». В талии она тоже была широка, но умело это скрывала. Зато у нее была совершенно голливудская грудь, хореографическая осанка и замечательно длинные стройные ноги. Если учесть, что она не курила, имела от природы чистую, сухую кожу, при темных волосах была голубоглаза, она производила впечатление на мужчин, обычно готовых впечатлиться и меньшим списком достоинств.

Ирина работала в фирме «Эрикссон» – всемирном лидере по производству телекоммуникационного оборудования. Представить себе, что она окажется менеджером одного из крупнейших подразделений фирмы с видами на повышение, Ирина, еще не так давно выпускница института связи и заурядный инженер МГТС, не могла. И вдруг, поменяв несколько прибыльных, но скучных работ, она негаданно воцарилась в «Эрикссоне», за недолгое время привязавшись к ней всей душой. Оптимистичные пожилые иностранцы привозили ей гостинцы из поездок, на вечерах для сотрудников она танцевала с Мигелем Эрнандесом, статным началь-

ником отдела N, а теперь первое же из порученных ей дел было с успехом завершено и открывало блестящую перспективу приумножения капитала и почестей.

Холод прошел по ее спине, когда она вспомнила, как, уже оказавшись в самолете по пути на конференцию в Праге, она обнаружила, что забыла впопыхах слайды, над составлением которых едва не потеряла зрение в последний месяц. Разноцветные диаграммы, графики, так заботливо и педантично выведенные на компьютере, остались на столе в кабинете – теперь уж ни на что не годные. Кроме того, доклад, который она планировала доработать в самолете на ноутбуке, не желал открываться с дискеты. Компьютер бессердечно сообщал о каких-то повреждениях в сетевом ресурсе, о неустранимой ошибке на дискете и предлагал утопические меры к устранению означенной. Ирине в тот момент показалось, что фортуна глумится над ней. Как только она поняла, что на конференцию едет фактически вовсе без материалов, вся ее жизнь пронеслась у нее перед глазами. И тут – негаданный успех. Видимо, с перепугу, Ирина, выйдя на кафедру, так четко и ловко представила политику «Эрикссона» в области внутрисоветских поставок, так точно и приманчиво живописала выгоды нового оборудования, что превыше меры возбудила представителей сибирского региона. Заключив с сибиряками предварительный договор, она натянула длиннющий нос конкурирующему «Алкателю», где ей некогда было отказано в месте. Теперь пять процентов от сделки всенепременно должны были оказаться в ее владении, чему она была рада незамутненной, чистой, детской радостью.

Мелодичный английский голос любезно попросил Ирину пристегнуть ремень и объявил посадку. Самолет стал снижать скорость, внутренности содрогнулись, словно в каком-то хихикающем восторге – Ирина интенсивнее засосала мятную карамельку.

Конечно, досадно, что сегодня будний день. Сейчас бы в самый раз поехать домой, поваляться в ванне с косметической маской на лице, потом пойти в солярий и на массаж, а к вечеру встретиться с подругами в баре, хвастаться и строить планы. Но и то, что сегодня прямо с самолета надо будет ехать в офис, до некоторой степени радовало Ирину. В самом деле – она улыбалась, когда представляла себе, как вытянутся физиономии у ее патрона, у начальников отделов, секретарей и даже у мерзкой ресепшенистки, когда будет представлен отчет о поездке!

Она не заметила, как шасси коснулись взлетной полосы, и очнулась только от аплодисментов пассажиров. На выходе из «зеленого коридора» ее подждал водитель Серега – крупный улыбчивый парень с глупой и добродушной мордахой.

– Ну что, Ируха, как дела? – спросил он скорее дружески, чем фамильярно. Серега не желал признавать Ирину бóльшую, по сравнению с собой, социальную значимость. Для него она была девчонка, ровесница, и это было действительно так, не поспоришь. Но все-таки в двадцать восемь лет бизнес-леди может требовать бóльшего к себе уважения. Ирину, однако, не покорило вопрос, и, радостно улыбнувшись, она собрала пальцы у губ, пустив в пространство воздушный поцелуй.

– Чудо, что такое, просто персик! – пояснила она жест. – Все обалдеют.

Серега несвязно и солидарно сказал что-то бессодержательное типа «ну-ну» или «гы-гы» – Ирина не вслушивалась. Она беззаботно кинула сумку под ноги Сереге и уселась на переднее сиденье роскошной казенной «вольво». Водила сунул сумку в багажник, крикнув, уселся за руль и включил какую-то сиротскую песню.

– Послушай, поменяй музыку. Хочешь, мою? – робко спросила Ирина, потянувшись к плейеру.

– Нет, нет, – замахал руками Серега, – от твоей у меня мозги преют. У тебя там всякие оперы разные, ну тебя.

Ирина вздохнула и стала глядеть в окно. Радостное настроение ее не убывало от минуты к минуте, а все только прибавлялось. Она уже так привыкла за последние сутки ощущать себя счастливой, что была близка к непониманию – как же она раньше жила? Все обиды и горести прежних лет сейчас, когда она вспоминала про них, казались ей когда-то давно виденным сно-

видением, от которого память сохранила лишь зыбкие, смазанные картины. Даже нынешние ее нелады с Руфатом, докучные приставания начальника на работе казались ей смешны и легко решаемы. Она чувствовала себя так прочно счастливой, что не сомневалась в счастье завтрашнего дня, и послезавтрашнего, и дальше вперед неделями, если не годами.

Пробравшись к офису через пробки на Ленинградском шоссе, Ирина выпорхнула из машины, распорядилась относительно сумки и поспешно вошла в вестибюль. Для того чтобы попасть на место работы, ей пришлось дотронуться бедром до фотоэлемента – громадная карточка с магнитным индикатором «ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА ПАСТУХОВА» болталась, пристегнутая к ремню. Ирине всякий раз лень было ее отстегивать, и она, привстав на цыпочки, прислонялась к фотоэлементу. Дверь с мелодичным звуком отворилась, впустив Ирину в чисто выметенный, наэлектризованный мир европейской фирмы.

– С приездом, как съездили? – просипела кобра-ресепшенистка.

– Прекрасно! – светски ответила Ирина, повторив поцелуйный жест. Обмениваясь кивками и улыбками с коллегами, она прошла к своему столу и включила компьютер. Заиграла шотландская мелодия, на экране высветилась смуглая девушка в лиловом купальнике, погружающая себя в поросший кувшинками пруд. Тут же раздался звуковой сигнал, и на экране высветилось: «У Гордеева день рождения. Подари сувенир из Праги. У бабки Зины тоже. Купи ей слуховой аппарат, старуха просит уже два года, а ты, змея бессердечная, хоть бы почесалась. Целую крепко – твоя репка». Ирина имела обыкновение переписываться сама с собой посредством компьютера, неизменно выдерживая глумливый стиль. Сейчас она напряглась, потому что в пражских хлопотах совершенно позабыла и про любимого юриста, и про бабу. Не размышляя, она вытащила из подоспевшей с Серегой сумки бутылку одеколона, которую везла Руфату, и пошла между шкапами в кабинет к юристам, где иногда сидел Гордеев.

С Юрием Петровичем Гордеевым ее связывали нежные братские отношения. Этот умный и честный человек как-то по-родственному опекал ее, и она – такая свободолюбивая – не смущалась этой опекой. Ей нравились серьезность, обстоятельность и глубоко затаенная ирония, всегда сопровождавшие разговоры с этим человеком. Ей нравилась его не деланная простота и легкость в общении с людьми, а также и то, что ему совершенно чужда была гордыня – ведь у него, как она небезосновательно полагала, была более чем солидная клиентура, которой он никогда не кичился, даже избегал разговоров на эту тему. Ее начальник Владимир Дмитриевич всегда хвалил Гордеева, прибавляя при этом ласкательные эпитеты, вроде «этот пройдоха», «этот ушлый хитрый лис» и прочее. В ее представлении называемые шефом качества изобличали несомненную честность адвоката, долг которого, как считала Ирина, заключался не в следовании абстрактной общественной морали, а в защите клиента. Известно было, что Гордеев не провалил ни одного из взятых им на себя дел, в том числе и сомнительных в нравственном отношении. Ирина, как мудрая женщина, никак не могла осудить его за это – юриспруденцию она числила за науку грязную, но необходимую, как медицина. Однако кроме названных достоинств он еще и просто был ей симпатичен, даже весьма симпатичен, и она рассчитывала на продолжение и углубление их дружбы. То, что она позабыла о его дне рождения, показалось ей сейчас странным и даже стыдным, поэтому Ирина, войдя в кабинет к юристам, чувствовала себя несколько скованно и неуклюже.

– Юра! – нарочито бодро попыталась она скрыть смущение.

– Ирочка! – Гордеев, широко разулыбавшись, оторвался от монитора и встал ей навстречу. – Уже вернулась? Ну, как?

– Чудесно. Это тебе.

Она поставила на стол бутылку туалетной воды, упакованную в малахитового цвета коробку.

– Да что ты, спасибо...

– Поздравляю с днем рожденья, желаю, чтобы ты всегда был... – она судорожно задумалась, что бы ей пожелать, избегая банальностей, но не удержалась и ляпнула: – Таким же здоровым, веселым и удачливым.

«Вот дура!» – подумала она про себя. Гордеев, однако, был, видимо, рад, что Ира помнит о его празднике.

– Ты сегодня первая, кто меня поздравил.

– Почему? – Ирина сокрушенно подняла брови.

– Кажется, они все позабыли. Впрочем, это и неудивительно. Я здесь все-таки не совсем своей. Обо мне обычно вспоминают, когда проштрафятся перед государством или хотят кого-нибудь незаметно обжулить. Я, так сказать, не в штате. Как индивидуальность я мало кого волную. Хочешь конфет?

Он вынул упаковку дорогих конфет, еще не тронутую, и снял с нее целлофановое покрытие. Ирина засунула в рот конфету и принялась рассказывать про свои успехи. Гордеев слушал, как казалось, внимательно, все больше улыбался и кстати кивал, но Ирине показалось (и это не вызвало в ней негодования), что он больше улыбается и кивает факту того, что она, молодая, цветущая, сидит сейчас перед ним, закинув ногу на ногу, и тараторит о чем-то своем. Рассказ получался довольно долгий, а она видела, что на столе у Гордеева невпророт всякой документации, поэтому закончила неожиданно фразой:

– Так что теперь я богата.

И встала. Он тоже встал.

– Ну что ж, поздравляю. Теперь, я думаю, ты поднимешься еще выше и перестанешь подавать мне руку.

Ирина засмеялась:

– Посмотрим, посмотрим, не уверена, что не возгоржусь.

Вежливо посмеявшись, они расстались. Гордеев сел к столу, Ирина выпорхнула из кабинета и ускоренной походкой, хотя никуда торопиться было не надо, двинулась к своему месту. Там ее ждал первый посетитель – подруга и сослуживец Маша Ободовская. Ободовская, натура разносторонне и богато одаренная, поступила в «Эрикссон» вместе с Ириной, но из-за скверного характера не сумела сделать столь блестящего зачина в карьере. Она два дня тому назад вернулась из командировки в Женеву и теперь по неясным для коллег причинам находилась в состоянии горестного изнеможения.

– Ну, как дела? – разбитым голосом спросила Ободовская.

Ирина повторила машинально звук поцелуя.

– Так я и думала. А у меня полная финансовая задница. Ты знаешь, что такое финансовая задница? Это когда ты потратил с корпоративной карточки шестьсот баксов и не знаешь, как отчитываться.

– Шестьсот баксов? – в ошеломлении повторила Ирина. У Ободовской и без того было две тысячи неоплатных долгов. Несмотря на хорошее настроение, Ира нашла в себе немного сострадания.

– Посмотри, – уныло продолжила Ободовская, – я тут поправила кое-что.

Она протянула Ире несколько счетов из ресторанов и от таксистов. В них неумело подобранной ручкой были дописаны единицы к сумме.

– Как ты считаешь, похоже? – понуро спросила Ободовская.

– Н-ну, на мой взгляд, не очень. Да кто там будет в бухгалтерии разбираться? – оптимистически прибавила Ира.

– Найдется кому, – мрачно оппонировала Ободовская.

– Слушай, ты что, всю Женеву по периметру объездила? – спросила Ирина, ошеломившись астрономической цифрой в счете.

– Нет, просто я решила не дописывать ноль в конце, а дописала спереди девятку. По-моему, этот самый удачный. Другое дело вот этот...

Маша протянула неврастеническим почерком заполненный счет на пятнадцать франков.

– Я так никогда не сумею, – сокрушилась Ободовская, глядя на бумагу, – он, по-моему, эпилептик был.

– Кто?

– Ну, этот водитель. Разве здоровый человек может так написать?

– Не уверена. Но, вообще-то говоря, у меня почерк не лучше.

– Да? – оживилась Ободовская. – Ну-ка, покажи.

Ирина взяла перо и, задумавшись на мгновение, выписала неловко, путая буквы «ш» и «ж»: «Игумен Пафнутий руку приложил».

– Здорово, – призналась Ободовская. – Так же коряво. А кто такой был этот Пафнутий?

– Это из Достоевского, – пояснила Ирина.

– А-а... Так, может быть, ты мне напишешь вот здесь нолик? – с простоватым лукавством попросила Ободовская.

Ирина улыбнулась ей, достала из карандашницы ручку подходящего цвета и, склонившись над бланком счета, вывела вполне истерический ноль под статью записи.

– Как дела? – раздалось над ее ухом. Ободовская от неожиданности подпрыгнула. Ирина ловко засунула счет в стол.

– Ах, Владимир Дмитриевич, – притворно обрадованно зашебетала она, – только вернулась!

Это был Владимир Дмитриевич, ее босс, ее ближайшее начальство. Скучнейший амбициозный тип. У него ко всем этим «достоинствам» были еще большие и вечно влажные руки, которые он тайно вытирал платком. Кроме того, он был баснословно жаден до денег и имел имперские амбиции. В настоящий момент его тщеславие было удовлетворено занимаемой должностью, и единственным предметом тайных его комплексов было отсутствие уважения со стороны любовницы, в каковые он однозначно предполагал Ирину. Несколько раз его рука, недобросовестно вытертая платком, уже ложилась ей на колено. Приходилось дипломатически лавировать, чтобы удержать ситуацию возможно дольше нерешенной в надежде, что шеф остынет или изберет другой объект для своих вожделений. Но начальник длил осаду, не помышляя отступать. Вот и сейчас он присел на край стола и, как ему казалось, возбужденно посмотрел в глаза Ирине своими тусклыми глазами. Маша делала из-за его плеча отчаянные знаки, чтобы Ирина убрала рассыпавшиеся по столу счета, чем очень Иру стесняла. Начальник, казалось, вовсе и не заметил, чем занимались подруги, но иступленная возня Машки на заднем плане могла серьезно испортить ситуацию. Всячески завлекая шефа разговором о поездке, Ира словно ненароком взяла грессбук и попыталась накрыть им компрометирующую документацию. Но, о ужас! Только она опустила книгу, как по не известному ей физическому закону бумажки выпорхнули из-под нее и, кружась в воздухе, попадали на пол. Ободовская в возбуждении, граничащем с помешательством, пала на четвереньки, а предупредительный (иногда) начальник подобрал парочку с пола и, не читая, положил на клавиатуру компьютера.

– Пойдем ко мне, – сказал он Ирине, видимо, недовольный присутствием Ободовской.

– Да, да, – рассеянно откликнулась Ирина, сделав Машке страшные глаза.

Они вошли в кабинет Владимира Дмитриевича. Тот подошел к шкафу, вынул оттуда что-то и, пряча за спину, подошел опять к Ире. Она стояла, внутренне собравшись. Кабинет начальника был отделен от основного офиса стеклянной стеной, но, как назло, в этот момент никого поблизости не было, так что они действительно остались одни.

– Так ты говоришь, – продолжил начальник начатый разговор, отчетливо выговаривая слова, – они подписывают с нами контракт?

Ирина кивнула.

Он опять сел на стол, глядя на нее своими тусклыми глазами.

– Это очень хорошо, – сообщил он, словно это была новость для Ирины. – А это тебе.

Он протянул руку – в ней оказалась игрушка – маленькая нерпа, белячок с живыми и сердитыми стеклянными глазами. Нерпа серьезно смотрела на Иру и словно на что-то негодовала. Она была такая миленькая, пушистая, эта нерпа, и так по-человечески смотрели ее стеклянные глаза, что Ирина невольно улыбнулась. Она забрала игрушку, словно спасая ее от мокрой руки начальника. Но рука потянулась вслед за нерпой и легла на оголенное Ирино предплечье. Губы Владимира Дмитриевича тотчас потянулись к ее щеке. Ирина понимала, что профессиональная этика, по которой Владимир Дмитриевич был ее боссом, и компанейская этика, по которой он должен быть ее приятелем, не позволяют ей отстраниться, и она только задержала дыхание, чтобы не прочувствовать его запах. Он прикоснулся губами к ее щеке и положил руку ей на затылок.

– Так какой состав оборудования они желают? – спросил он бытовой скороговоркой, словно его руки и губы не имели к нему никакого отношения.

– Владимир Дмитриевич, не надо, – отстранилась она наконец, посчитав, что уже достаточно натерпелась.

– Почему? – спросил он с деланной наивностью.

Сквозь стекло стены послышалось, как что-то упало. Ира обернулась: Машка с весьма озабоченным видом рылась в папках, словно ей что-то срочно было необходимо, но она никак не может найти. «Настоящий друг!» – с благодарностью подумала Ирина.

– Владимир Дмитриевич, отпустите, – зашептала она, – вы меня... – она не могла подобрать нужное слово, – ...компрометируете.

Она развернулась к начальнику спиной и быстро вышла. Нерпа, однако, осталась у нее в руке. Шеф ошибочно истолковал это как ласкательный для себя знак, на деле же нерпа полностью заняла в сердце Ирины то место, которое начальник готовил для себя.

– Ну что, – не размыкая губ и не поднимая взгляда, обратилась Ободовская, – опять приставал, старый перец?

– С меня бутылка, – ответила так же Ирина, проходя к рабочему месту. Счета с него уже исчезли в ведомом одной Ободовской направлении. Маша вскоре подошла к ней.

– Кстати, насчет бутылки. Может быть, устроить сегодня маленькую суарею? Можно нажраться вдвоем, как свиньи, а хочешь, возьмем пару каких-нибудь импотентов?

Ободовская, чья наружность обрекала ее на длительные периоды вынужденного целомудрия, именovala мужчин не иначе как импотентами.

– А что, нет? – оптимистически отозвалась Ирина. – Я, ты знаешь, тяпнуть не дура. К тому же у меня все поводы. Соберем девиц. Я позову Бурляеву и Штенберг, распишем пулю. Да и вообще, идти пора. Засиделись мы с тобой.

– Гляди, кто-то еще не ушел, – показала Маша в направлении кабинета юристов, из-под двери которого пробивался свет. – Может, позовем?

Они заглянули в полуоткрытую дверь – за столом трудился Гордеев.

– Ой, нет, нет, не сейчас, – отшатнулась Ирина. – Я его, честно сказать, стесняюсь.

– А я думала, что ты планируешь с ним роман, – сказала Маша, сообщив взгляду проницательность.

– Да какой роман... Совсем ты сбрендила, эротоманка!

И Ирина принялась собирать сумку.

Глава 3

КРОВАВАЯ ВЕЧЕРИНКА

- Точно предков нет?
- Обижаешь! Еще вчера свалили на дачу.
- Они у тебя что, «моржи»?
- Какие моржи?
- Кто по такой погоде на дачу ездит? Колотун же.
- У них небось дача с паровым отоплением.
- Вась, ты что, крутой?
- Какой я крутой?
- Нин, а Васька твой «новый русский», не иначе.
- Хи-хи...
- Ну долго еще?
- Да тут рядом, вон за тем домом.
- Вась, если ты нас надул и твои предки дома, ты нам больше не друг, а портянка. Как мы домой доберемся – последняя электричка ушла.
- Да нету их, успокойтесь. Сами увидите, окна на восьмом этаже.
- Вон в том доме?
- Да.
- Вася, а там как раз на восьмом какие-то окна горят.
- Вась, ты где, чего молчишь? Нинка, Вася возле тебя?
- Хи-хи...
- Хватит лизаться. Вася, это ваши окна? Чего молчишь?
- Да нет, это не наши окна, кажется... Или я случайно оставил, когда уходил...
- Вась, постой, так это ваши окна?
- Да это я забыл выключить. Нет, не могли они вернуться.
- Та-а-ак... Ну, Василий, спасибо...
- Да, я тоже думал, ты человек, а ты...
- Нинка, а твой Вася совсем не «новый русский».
- Хи-хи...
- Так, Галя, куда подадимся?
- Да погодите вы, я сейчас посмотрю. Это, наверное, я оставил...
- О, блин! Это что такое?
- Собака Баскервилей!
- Хи-хи...
- Вась, не твой песик? Жучка, Жучка!
- Вась, ты где? У вас тут что, принято собак самих отпускать во двор по нужде?
- Ага! Не двор, а кинологический центр какой-то.
- Я сейчас, я быстро. Вы в подъезде подождите, ладно? Нин, я быстро. Только туда и обратно.
- Давай-давай. Никуда твоя Нинка не денется.
- Галь, давай хоть поцелуемся.
- Нашли место – здесь кошатиной воняет.
- И не только кошатиной. У нас на подъезде уже давно поставили кодовый замок, а здесь... Э-э, собачка, ты чего? Погреться? Занято. И потом – здесь такая же холодрыга, как и на улице.

- Ребята, пойдемте отсюда.
 - Вот, я же говорил, что не только кошатиной воняет. Собаки тоже здесь... Ну хорош, пошла на фиг!
 - Э-э, нечего тут гавкать!
 - Ребята, пошли отсюда! Ну, ребята!
 - У кого спички есть? Зажгите!
 - Зажигалка!
 - Ох, мама родная! Сколько ж их тут?!
 - Где Васька?!
 - Да дай ты ей ногой по морде, сразу заглохнет!
 - Ребята, давайте постучим в дверь, мне страшно!
 - А-а! Ух, сволочь! Цапнула! На тебе!
 - Галя!
 - К лифту скорее!!! Кнопку жми!
 - Занято!
 - Это Васька едет! Гад такой! Развел тут собачатник!
 - Звоните в дверь!
 - Стучите!
 - Бей их! Девчонки, ломитесь в двери! Есть что-нибудь тяжелое?!
 - Бутылка!
 - Дай!
 - Ага, ты разобьешь!!
 - Идиот! Хочешь, чтобы нас загрызли?!
 - Кто там?!
 - Пустите нас, тут собаки!
 - Вы кто?
 - Мы в гости пришли, а на нас собаки напали!
 - К нам в гости?!
 - Пустите, нас загрызут!
 - Васька! Дверь не открывай! Тут собаки! Поднимись на третий этаж!
 - Уходите, пока милицию не позвал!
 - Тут собаки! Умоляем вас!
 - Васька! На третий этаж!
 - Ребята... Ой!
 - Нинка, Галя, Таня, бегом на третий, держите дверь!
 - Дай бутылку!
 - Ага, а я чем?!
- Лифт распахнулся на третьем этаже, влетели испуганные девушки, одна из них сняла туфель с острым каблуком, нацелилась на дверь.
- Собачий лай приближался.
- Парни вскочили в лифт. Но последний, у которого в руках была окровавленная бутылка шампанского, притащил с собой вцепившуюся в его спину огромную собаку.
- Жми! – закричали все.
- Но дверь не закрывалась – мешала собака.
- Парень с бутылкой кричал диким голосом.
- Собачья стая уже заполнила лестничную клетку. Еще один пес повис у парня на спине.
- Васька, ударь их!!! Васька, убей!
- В тесноте лифта никак не могли сообразить, что же делать?

Наконец парень с бутылкой ухитрился развернуться и со всего маху ударил повисшую на его окровавленных лохмотьях собаку по голове, та взвизгнула и отлетела, другая на секунду ослабила хватку. Эта секунда ребят спасла. Дверь закрылась. Лифт пополз на восьмой этаж.

– Что это было?! Что вообще происходит?! – причитала девушка.

Парни стонали, стряхивая кровь с обкусанных рук.

– Это я свет оставил. Нету родителей.

– Гад, ты, Васька, какой же ты гад!

– А я при чем?!

– При том, что свет выключать надо!

– Как думаете? Они до восьмого этажа еще не добежали?

– Увидим. Дверь не открывай.

– Как? Она сама откроется.

– Нажми «Стоп»!

– Красная кнопка!

– Тихо.

– Тебе очень больно?

– А ты как думала? Кусок мяса вырвали, суки!

– А если бешеные?

– Типун тебе на язык.

– Подождем еще.

– Нет, они нас учуют!

– Им надоест ждать, они и уйдут!

– А если не надоест?

– Возьми платок хоть... Кровью истечешь...

– Тихо. Их нет.

– Хочешь открыть дверь?

– Нет.

– Так что, нам тут всю ночь торчать?

– А ты что предлагаешь?

– Слушай, тут же должна быть кнопка вызова.

– Есть.

– Жми! И скажи, чтобы вызвали милицию – на нас напали собаки...

Глава 4

СЫНОК

– ...Ну и, короче, взяли мы этих мандолин и поволокли к себе на хату. Одна, значит, гнать чего-то стала, что у нее жених скоро там откуда-то возвращается, что она его очень, типа того, любит, а с нами идет потому, что по мужским ласкам соскучилась – короче, ураган полный. – Высосав остатки пива из очередной бутылки, паренек поставил ее под лавку, где уже находилась целая батарея таких же опустошенных сосудов.

Компания прыщавых подростков сидела на лавке и слушала рассказы пухленького веснушчатого паренька в толстенных очках. Любой взрослый человек при одном взгляде на это жалкое подобие мужчины сразу догадался бы, что все его донжуанские похождения, которые паренек так ярко живописал перед друзьями, лишь плод его болезненного воображения. Но соседи по лавке, потягивавшие пиво, и не подозревали, что толстячок просто-напросто неумело варьирует содержание очередного порнографического рассказа, вычитанного в журнале, украденном из стола папаши. Им важнее были подробности, чем правдивость.

– Ну вот, после третьей рюмки она как кинется на меня и давай стягивать с себя платье. А под платьем ничего нету. Прикинь, голая совсем!

Между тем количество пустых бутылок все пополнялось. Вокруг лавочки, как грифы над падалью, стали кружить люди в потрепанной одежде и с лицами неопределенного цвета, плавно, спектр за спектром, переходящего из желтого в фиолетовый. Рассказы парня их мало волновали. На компанию вообще не стоит обращать внимания, по крайней мере до тех пор, пока не прогоняют.

Компания тоже не обращала внимания на бомжей, как не обращают внимания на голубей или воробьев, клюющих что-то неподалеку. Пусть себе клюют, лишь бы не гадили на голову, у птиц свое занятие, у людей – свое.

– Ну, значит, стаскивает она с меня штаны, в трусы уже лезет, а вокруг же народу полно... – Толстяк допил следующую бутылку и швырнул ее в траву. – Ну я ее, значит, в охапку, и тащу в ванную. А там, блин...

И тут он заметил, что его уже никто не слушает. Все с интересом наблюдают за двумя бродягами, бросившимися за этой вожаделенной бутылкой. Один из них, поменьше и пошустрее, ухватил ее первым. Но тут подоспел второй, побольше и посильнее. Завязалась тихая возня.

– Ну вот, значит, затаскиваю я ее в ванную, стягиваю с нее трусы и...

– Слушай, заткнись! – грубо оборвал его один из прыщавых ровесников. – Секи, цирк!

Двое бомжей тянули бутылку в разные стороны, пока кто-то из ребят не догадался вынуть из-под лавки еще одну и швырнуть ее в сторону дерущихся. Бродяги тут же бросились за второй подачкой, стараясь оттолкнуть друг друга.

– Ну вот, значит, стаскиваю я с нее трусы... – очкарик все не оставлял попыток вновь привлечь внимание к рассказу.

– Какие на фиг трусы?! – зло воскликнул длинный лысый парень. – Ты только что гнал, что она под платьем голая была! Хорош заливать!

Больше на очкарика внимания никто не обращал. Все увлеченно расшвыривали в разные стороны бутылки, наблюдая, как потешно носятся взад-вперед два вонючих патлатых обормыша.

– Я ставлю на маленького! – воскликнул кто-то, и все стали делать ставки.

И у маленького, и у большого шансы были примерно равны. Оба они хватили добычу и шустро прятали в многочисленных складках одежды. Скоро оба они при каждом шаге стали

глухо позвякивать. Всеобщее веселье захватило даже их, и они только посмеивались, когда один опережал другого.

– Гляди, еще один прилетел! – воскликнул рыжий и швырнул бутылку куда-то в сторону.

Все оглянулись и действительно заметили еще одного охотника за стеклотарой. Этот третий был намного больше обоих бомжей. Но у него было два существенных недостатка – во-первых, он еле держался на ногах, а во-вторых, у него не было левой руки. Тем не менее он, словно не замечая двух опередивших его братьев по профессии, медленно нагнулся и поднял вожака бутылку.

Оба его предшественника от такой наглости даже на какое-то время потеряли дар речи. Опомнились они только тогда, когда в сторону однорукого полетела вторая бутылка и он предпринял попытку, правда, не очень успешную, ее поднять.

– Эй, ты че, охренел совсем! – возмущенно воскликнул тот, что побольше, оглядываясь по сторонам в поисках какого-либо тяжелого предмета.

Однорукий никак не отреагировал. Чуть не свалившись и насилу обретя равновесие, он опять потянулся за лежащей под ногами бутылкой.

Прыщавые с интересом наблюдали за неуклюжими манипуляциями однорукого.

Бутылку он поднять так и не смог. Потому что в самый последний момент к нему подскочил шустрый и со всего размаху саданул ногой в зад. Неуклюже крикнув, однорукий под гогот и улюлюканье подростков кубарем покатился в траву.

– Вы что, разве так можно? – возмутился один из подростков. – Он же инвалид!

Подростки издевательски заржали.

Однорукий между тем с трудом встал на ноги и, не сказав ни слова, направился к бутылке. Но на месте ее не оказалось – она стала добычей шустрого. Заметив, что бутылка исчезла, однорукий огляделся по сторонам и, сфокусировав взгляд на шустром, тихо пробормотал:

– Отдай!

– Да пошел ты на хер, мудака однорукий! Еще раз сунешься – я тебе вторую руку выдерну, и ноги, и яйца! – разразился ругательствами шустрый, чувствуя поддержку со стороны зрителей.

– Отдай, это моя бутылка, – спокойно повторил однорукий.

– Твоя?! Твое дерьмо в штанах! – шустрому нравилось играть на публику, да еще и чувствуя свою безнаказанность. – Меньше щелкал бы клювом – может, и была бы твоя!

Большой между тем нашел какую-то дубину и решил, что тоже должен принять участие в изгнании однорукого, тем более что это так весело. Нимало не задумываясь, он подошел сзади и со всей дури шарахнул однорукого по затылку. Но тот только пошатнулся, повернулся и как-то удивленно посмотрел на большого.

– Зачем ты дерешься, что я тебе сделал? – спросил он.

Большой решил, что лучшим ответом будет еще один удар дубиной, и замахнулся еще раз. Но в следующий момент получил такой увесистый удар в челюсть, что пролетел метров пять, плюясь осколками зубов. Однорукий медленно подошел к нему и стал выуживать из карманов бутылки. Большой только мотал головой, изо рта текла кровь.

– Сука! – завизжал шустрый, подпрыгивая на месте, словно кто-то невидимый удерживал его в его порыве броситься на однорукого и разорвать его в клочья. – Сука! Да я с тобой за Стасика знаешь, что сделаю?! Знаешь, что я с тобой сделаю за Стасика?!

Однорукий не обращал на его визги никакого внимания, продолжая деловито выворачивать карманы теперь уже совсем беззубого Стасика.

– Смотри, у него нож! – воскликнул вдруг кто-то из подростков, и все замолчали, растерянно оглядываясь по сторонам.

В руке у шустрого вдруг тускло блеснул длинный старый кухонный нож. Как известно, ни одним ножом не было совершено за всю историю человечества столько убийств, сколько было совершено кухонным.

Достав нож, шустрый тоже замолчал, словно наконец успокоился. Глаза его сузились, тело перестало дергаться от страха и напряжения и, наоборот, приобрело какую-то ленивую кошачью пластику. Мягко ступая по траве, он медленно двинулся к однорукому, который совсем не отреагировал на вопль из «зрительного зала», словно не слышал.

– Эй, у него нож! – закричали ребята еще громче. – Баран, обернись! Он тебя сейчас покоцает!

Но однорукий продолжал как ни в чем не бывало подсчитывать трофеи, бережно поднося каждый к глазам и проверяя, не надбито ли драгоценное горлышко.

– Сука, одну надбили... – тихо пробормотал он и выпрямился в самый последний момент, когда нож шустрого, как меч Фемиды, уже был занесен в воздухе. И нож этот просвистел прямо перед носом однорукого.

– Ты чего, совсем обалдел? – как-то очень даже ловко он ухватил шустрого за шиворот и, приподняв в воздухе одной рукой, за неимением второй принялся лупцевать его ногами. Нож отлетел куда-то в сторону, а шустрый заверещал, как годовалый поросенок, которого волокут резать.

– Давай! Давай, так его! – дружно заорали прыщавые парни, которым в принципе все равно было, за кого болеть в этом поединке. В подобном случае всегда болеют за сильнейшего. – По яйцам ему дай! По яйцам.

Большой вдруг вскочил и бросился в кусты, но на него никто не обратил внимания.

– Ты меня зарезать хотел? – пыхтел однорукий, отчаянно работая ногами. – Ну и за что? А вот теперь и получи.

Бил он довольно крепко, потому что шустрый после пятого удара перестал верещать и только кричал.

Зато детишки просто из себя выходили от перевозбуждения. Так и тянуло подбежать и тоже врезать разок ногой. Хоть разок.

После очередного удара однорукий бросил шустрого на землю и поднял нож.

И опять наступила полная тишина. Только шустрый тихо стонал, пытаясь подняться на ноги. Нет, подросткам уже не было страшно того, что сейчас случится. Даже наоборот, им очень хотелось, чтобы убийство произошло, просто никто пока не смел в этом признаться.

– Ну, давай... – тихо, почти шепотом сказал очкарик. – Вколи ему.

И словно плотину какую-то прорвало.

– Убей его! – закричали все хором. – Засунь ему в живот! Выпусти ему кишки! Горло ему перережь, горло! Давай!

Они кричали так громко, что даже не сразу слышали милицейский свисток. Только когда неизвестно откуда на однорукого прыгнули два милиционера, свалили с ног и принялись методично колотить резиновыми дубинками, все бросились врассыпную. Но милиционеры и не собирались никого ловить. У них было занятие поинтереснее, чем беготня за пацанвой.

Однорукий не кричал, не сопротивлялся, вообще не шевелился. Он тихо лежал, уткнувшись лицом в траву и прикрывая единственной рукой затылок, и ждал, когда они устанут.

Рядом наконец поднялся на четвереньки шустрый. Он хотел потихонечку уползти в кусты, но разве от милиции уползешь?

– Куда? – поинтересовался один из стражей порядка и со спины однорукого переключился на спину шустрого.

Когда ни тот ни другой уже не подавали никаких признаков жизни, милиционеры остановились. Один из них, сержант, толкнул однорукого ногой и, вытерев пот со лба, достал из кармана сигарету.

– Ну что, грузим?

– Грузим. – Второй включил рацию. – Эй, у нас еще двое! Давай, мы возле старого фонтана.

Минут через десять подкатил «уазик». Шустрый к тому времени уже пришел в себя и плакал, лежа в траве.

– Он меня зарезать хотел! Отпустите меня, пожалуйста, я больше так не буду!

Милиционеры сидели на лавочке и мирно курили.

– Звать-то тебя как? – спросил молоденький милиционер.

– Ванюша... Я бутылки собирал, а он первый начал! – продолжал скулить шустрый.

– А что ж ты ему не дал как следует, Ванюша? – по-отечески поинтересовался сержант. – У него ж всего одна грабля, а у тебя целых две.

– Ага, две!.. Он, знаете, какой сильный! Как схватит меня за шкурку, да как давай... лупить. Отпустите меня, я больше не буду.

– Не-е, мы тебя отпустить не можем, – вздохнул сержант. – Никак не можем.

– Ну почему?

– А у нас план! – ответил он, и оба мента закатились веселым смехом.

– Ты чего так долго? – спросил сержант у водителя, когда «уазик» остановился неподалеку и тот вышел из машины.

– Да за водкой останавливался, – махнул рукой тот. – Прикинь, сдачи у нее не было!

Все трое переглянулись и расхохотались еще больше.

– Давай, подъем! – сержант подскочил к однорукому и саданул его ногой по ребрам. – Я тебя, что ли, тащить буду?

До участка трястись пришлось недолго, он был на соседней улице. Там, в участке, во дворе, бомжей опять долго били. Сначала били те, кто привез, потом били те, кто должен сторожить, потом все, кому больше нечем было заняться. Ванюша при этом визжал и плакал, доставляя милиционерам массу удовольствия. А однорукий все время молчал, бить его было неинтересно. Может быть, именно поэтому и досталось ему намного меньше.

– Ладно, давай их оформлять, – сказал старшина, когда выяснилось, что бить больше никто не хочет, – волоки их в клетку.

Дежурный по участку, старый толстый прапорщик, однорукого узнал. Заулыбался, увидев на пороге, и воскликнул:

– Эй, Сынок, а ты тут как оказался? Что, опять помидоры воровал? Это ж Сынок!

– Не-е, он человека зарезал, – ответил за Сынка сержант.

– Зарезал? – прапорщик недоверчиво покосился на Сынка, молча разглядывавшего носки своих ботинок. – Гонишь, не может быть.

– Ну почти зарезал, – отшутился сержант. – Еще бы чуть-чуть и точно бы кишки из вон того парня выпустил. – Он кивнул на Ванюшу, стоявшего рядом.

– Чуть-чуть не считается, – ухмыльнулся прапорщик. – Этого я знаю, он зарезать не может. Украсть там, морду набить – еще куда ни шло. А чтоб зарезать...

– Ладно, мог, не мог... Мне некогда. Давай, Данилыч, оформляй их обоих за хулиганку. На меня и на Васькова запиши. Только не забудь.

Сказав это, сержант еще раз стукнул Сынка и вышел на улицу.

– Ладно, не забуду, – пробормотал прапорщик Данилыч, вынимая пустые бланки и шариковую ручку. – Имя, фамилия, год рождения, домаш... ах да, какой у вас дом.

Ванюша быстро отгитарил свои анкетные данные и попросился в туалет.

– В туалет? – Данилыч ухмыльнулся. – А ты знаешь, что это такое?.. Ладно, теперь ты, Сынок, давай, колись, что стряслось?

– Ничего. – Сынок пожал плечами.

– Ты ж уже за этот месяц третий раз у нас. – Данилыч покачал головой. – Ты что, на скотобойню захотел?

– Нет, не захотел. – Сынку явно было не очень интересно отвечать на глупые вопросы милиционера.

– Ладно, какой с тебя толк? – прапорщик махнул рукой и закричал: – Эй, Григорьев, веди их в клетку!

Из коридора выскочил взлохмаченный заспанный Григорьев и потащил бомжей за решетку. Из камеры до Данилыча донеслись возмущенные возгласы арестантов:

– Эй, заберите их! Мы от них блох нахватаемся или еще чего! От них мочой воняет, дышать нечем!

Повертев в руках бланк Сынка, Данилыч вдруг скомкал его и швырнул в корзину для мусора. Найдя в блокноте нужное имя, снял трубку и набрал номер.

– Алло, Роман Ильич? Это вас Данилов беспокоит... Да, можете подъехать, есть кое-что... Хорошо, жду.

Минут через двадцать к милицейскому участку подкатил джип. Дежурный без единого вопроса пропустил машину через ворота. Из машины вышел мужчина лет сорока. Прапорщик уже встречал его на пороге здания.

– Сейчас выведу, Роман Ильич. Пойдите тут минутку.

Через минутку Сынка выволокли на свет божий.

– Имя... – коротко спросил у бомжа Роман Ильич.

– Сынок, – за него ответил прапорщик.

– Сколько лет?

– Тридцать три, – на этот раз заговорил сам Сынок.

– Граблю где потерял?

– Твое какое дело? – Сынок спокойно посмотрел мужчине прямо в глаза.

– Хорошо, я его беру, – сказал Роман Ильич, вынул бумажник и достал сотенную купюру. – Есть еще что-нибудь?

– Не-а, больше ничего нету подходящего. – При виде денег у прапорщика заблестели глаза.

– Как только появится, сразу звони. – Роман Ильич отдал деньги прапорщику и повернулся к Сынку: – Давай, лезь в машину.

– В машину лезь, скотина! – закричал вдруг Данилыч и принялся усердно пинать Сынка ногами. – Бегом, кому сказано, падла!

Через минуту джип выехал из участка так же беспрепятственно, как и въехал в него. А еще минут через десять Сынка пересадили в небольшой автобус, битком набитый такими же, как и он, бомжами. Не обращая внимания на остальных пассажиров, он пробился к окну и сел, столкнув с сиденья какого-то спящего ханыгу. Ханыга повалился на пол ко всеобщему удовольствию, но так и не проснулся. Автобус тронулся.

Сынок сидел у окна и безо всякого интереса смотрел, как проносятся мимо дома, машины, люди. Любой, кто посмотрел бы на него, сразу увидел бы, что все происходящее, как, впрочем, и сама жизнь, Сынку абсолютно безразличны.

Автобус остановился у Казанского вокзала.

Глава 5

ЛОГОВО

– Пожалуйста... Потом сама приползешь... А я скажу – сама этого хотела, сама получила... Что, я не зарабатываю, чтоб отдохнуть по-нормальному? Имею право. И посмотрим еще, как ты без меня проживешь? Видел я таких. В дом она меня не пускает! В мой дом меня не пускают! И Вовка, тоже, называется, сын! Не сын, а засранец. На родного отца! Ну погоди, попросишь ты у меня мотоцикл! Хрен я тебе дам, а не мотоцикл. Весь в мать, отличник чертов. Мы еще посмотрим, как ты на хлеб заработаешь, когда вы с вашей матерью одни останетесь, без меня. А я вам вот денег дам! «Алкоголик»! Сами вы! Что я, права не имею?! На свои пью! От вас фиг дождешься! Испугали – не пустим в дом! Да пошли вы! Меня, вон, везде с праспрас... распрас... прастертыми объятями. Вон к Виталику пойду... Или к Борьке... Или просто в гараже переночую. Ничего, не замерзнем, русские не сдаются. Мы идем по пути Ленина...

Где тут моя ракушка? Где тут мой гаражик? Вот он, родимый. Вот моя деревня, вот мой дом родной... Ничего, перезимуем...

Вот суки, куда телогрейку дели? Где моя телогрейка, спрашивается!

А холодно... Так за ночь дуба дашь...

О, песик, пойди сюда. Давай вместе спать ляжем, ты меня будешь греть, а я тебя. Никому мы, песик, не нужны... Как две бездомные собаки. Ничего, они потом сами пожалеют. Давай, прижмись ко мне, иди сюда...

Э, все, хорош. Одного хватит. Куда лезете? А ну пошли отсюда, шавки поганые!

Ах, сука, ты тоже на меня?! Я его пригрел, а он на ме...

Х-р-р-р...

Собачников из санэпидстанции приглашали уже четвертый день. Они рыскали по микрорайону, но изловили только трех бездомных собак. Никаких громадных стай, о которых каждый день сообщали жители, они не нашли.

В отделении милиции ко все учащающимся жалобам жильцов относились скептически. До тех пор, пока не нашли разорванное тело гражданина Суковнина в его собственном гараже. Зрелище было не для слабонервных – у Суковнина отсутствовали руки, а голова валялась в кустах, изгрызенная до неузнаваемости.

Тогда дали задание всем участковым, патрульным отслеживать собачьи стаи и тут же докладывать в отделение.

Жильцов попросили без нужды не выходить на улицу, особенно в темное время, а детей вообще не подпускать к дверям.

Но до семи вечера никаких сообщений о собачьих стаях не поступило.

В девятнадцать пятнадцать участковый Игнатов возвращался домой. Он проводил так называемую профилактическую беседу с пацанами из десятого дома. Эти придурки взялись «очищать Москву от черножопых», как они сами формулировали свои цели. Попросту напали на жителей Кавказа, торгующих на местном оптовом рынке. Избивали нещадно, отбирали деньги, часы, кожаные куртки, даже документы. Кавказцы тоже в долгу оставаться не хотели. Они сколотили собственную «бригаду» и теперь охотились на маленьких расистов.

Игнатов и сам недолюбливал «лиц кавказской национальности», но в данном случае имело место нарушение правопорядка, которое участковый и собирался пресечь.

Беседа с пацанами ничего не дала.

– А мы че?! Мы ниче! – тупо твердили они, не вникая мудрому слову милиционера. – Кто сказал?! Когда? А вы докажите! Ниче не знаем!

Игнатов их все-таки предупредил об ответственности, добавив, что, если кавказцы найдут пацанов и отомстят, он попросту закроет на это глаза.

– Пусть токо сунутся! – ответили пацаны, которые в предупреждении участкового увидели лишь перспективу новых боевых действий.

– Я вам сказал, – закончил разговор участковый. – Если еще раз услышу, пеняйте на себя. Загребите все, как один.

До дома быстрее было идти напрямик, через пустырь, поэтому участковый свернул на еле видную в темноте, осклизлую от тающего грязного льда тропинку. Конечно, он помнил предупреждение о собачьих стаях, о том, что ходить в темноте одному опасно, но именно поэтому и свернул. Он знал, что собачники из СЭСа сюда, на пустырь, не заезжали, вот и надеялся, что найдет тут собачью стаю.

Но на пустыре не было ни одной живой души. Игнатов даже постоял несколько минут, посвистел, приманивая собак, – ни одна не показалась. Он двинулся дальше, поплотнее ставя ноги на коварную тропинку. Пожалел, что не захватил фонарик, потому что в двух шагах впереди уже ничего видно не было.

Как ни крепки были нервы у старого участкового, а он аж охнул, когда нога наступила на что-то, показавшееся участковому сначала веткой и скользнувшее под ногой. Уже в тот момент, когда нога предательски поехала вперед, Игнатов понял, что наступил на оторванную человеческую руку.

Игнатов наклонился к руке, еще не зная, как поступить, и в тот же момент скорее почувствовал, чем услышал, пролетевшее над его спиной мохнатое тело.

Игнатов невольно отшатнулся назад, когда пустырь вдруг ожил оглушительным собачьим хрипящим лаем. Теперь Игнатов разглядел – вокруг были сотни собак. Они мчались на него, они скалили зубастые пасти, они хотели Игнатова убить.

Еще и потому участковый не побоялся идти через пустырь, что как раз сегодня положил в кобуру не ветошь, а тяжеленького «макарова». С полным боезарядом.

Через мгновение пистолет был в руке, затвор легко передернулся и грянул выстрел, сбивший в полете бешеного пса, метившего Игнатову прямо в горло.

Второго пса Игнатов только подранил, тот завертелся на снегу, разбрызгивая черную кровь. Третьему участковый попал прямо в глаз, и тот ткнулся мордой в снег, еще по инерции прокатившись почти до самых ног милиционера.

– Ну что, сволочи, взяли?! – зарычал милиционер. Охотничий азарт заставил все его тело дрожать лихорадкой. – Ловите!

Он выстрелил еще два раза, убив еще одного пса.

Стая замерла только на секунду, а потом, словно забыв о человеке, бросилась на мертвых своих сородичей и стала рвать их в клочья.

Игнатов выстрелил еще раз в сплетшийся клубок рычащих тел. И собачья стая бросилась куда-то в сторону оврага, унося за собой ошметки разорванных дохлых псов.

Человеческую руку Игнатов отнес в отделение.

На следующее утро стало известно, что рука, найденная Игнатовым, гражданину Суковину не принадлежит.

Днем на пустырь пришла рота курсантов школы милиции с автоматами. По следам крови искали, куда скрылась стая. Но следы терялись возле оврага. Прочесали все вдоль и поперек – ничего похожего на укрытие собак не нашли.

Когда собрались уже уходить, прибежал участковый Игнатов.

– Я нашел! Это в заброшенном бомбоубежище.

Сделали стремительный марш-бросок к бомбоубежищу.

Бетонная будочка во дворе школы с решетчатыми деревянными окнами. Посветили внутрь – глубокий колодец со скобяной железной лестницей, а внизу кишит собачьими спинами.

– Гранату бы туда бросить, – предложил кто-то.

Уже собрались палить вниз из автоматов, когда кто-то сообразил:

– А как они сюда забираются? По лестнице, что ли?

– У них другой выход должен быть, – догадался Игнатов. – На пустыре. Если мы отсюда пальнем, они туда и смоются.

Снова часть курсантов отправилась на пустырь. Окружили овраг с автоматами на изготовку.

Все уже было готово к тотальному уничтожению бешеных диких собак, когда вдруг стали собираться вокруг жители соседних домов. Откуда-то даже журналисты появились с телекамерами.

– Вот смотрите! – кричал какой-то бородатый дядечка. – Так в нашей стране воспитывают детей – убивают среди бела дня беззащитных животных.

– Это дикость!

– Варварство!

– Кто позволил?!

– Мы на вас в суд подадим! За жестокое отношение к животным!

Телевизионщики все это усердно снимали, явно сочувствуя протестующим.

Пришлось вызывать дополнительные наряды, создавать оцепление, оттеснять толпу, пришло начальство, словом, суeta и неразбериха. Потом приехал вдруг заместитель префекта.

– Остановить убийство животных! – закричал он.

Хорошо, что начальник отделения успел подхватить заместителя и увести в свою машину, здесь и показал фотографии покусанных граждан, показал и фото тела растерзанного Суковнина.

Пришлось заместителю, скрипя зубами, согласиться на варварскую акцию.

План был такой – бросить в колодец газовую шашку, а саму акцию по уничтожению провести на пустыре, подальше от людских глаз.

– Успокойтесь, граждане, мы не собираемся убивать собак, мы хотим их только усыпить! – убедительно врал какой-то милицейский начальник.

Из оцепления видели, как человек в противогазе бросил в колодец бомбоубежища круглый предмет.

Ничего после этого не произошло.

– Ну, видите, собачки уснули, теперь их можно перевезти в специальный центр, – говорил в телекамеру милицейский чин. – Мы гуманные люди...

Договорить он не успел.

Треск автоматных очередей донесся с пустыря.

Толпа замерла. А потом взвыла с новой силой:

– Убийцы! Варвары! Дикари!

А на пустыре разыгралось настоящее побоище.

Из незаметной норы в овраге вдруг выкатились на курсантов испуганные псы, те стали поливать их из автоматов. Через минуту нору завалило собачьими трупами. Визг и лай стояли до самых серых небес.

Но еще через минуту все стихло. Собаки больше не лезли из норы.

– У них еще один выход есть, – сказал кто-то. – Мы их упустили.

Возле бомбоубежища толпа насадала на милиционеров. Крик тоже стоял несусветный. Стражи порядка уже готовились пустить в ход дубинки, потому что толпа разъярилась не на шутку.

Милицейский начальник сел в машину и укатил от греха подальше. Заместитель префекта срочно куда-то звонил по мобильному телефону.

И в этот момент случилось необъяснимое. Из колодца бомбоубежища сначала выскочила первая собака, а за ней вторая, третья...

На мгновение все замерли от неожиданности. А собак все прибывало. Обезумевшие от страха псы совершали невозможное, они карабкались по железным скобам и вырывались наружу, где были люди.

Первым они повалили на землю милиционера, который оказался у них на пути. Бедняга еле успел достать пистолет. Но стрелять побоялся – мог попасть в людей.

Коллеги сапогами отбили его, окровавленного, у разъяренных псов. А те бросились на толпу. Началась дикая паника.

– Стреляйте! – кричал бородач, защитник прав животных. – Стреляйте!

– Убейте их! – орали остальные.

Телевизионщики бросились врассыпную, спасаясь от бешеных собак.

В конце концов милиционеры стали стрелять в собак, не жалея патронов. Собаки метались в узком пространстве двора школы, погибая от безжалостных пуль.

Через полчаса все было кончено.

Потом, когда увозили на грузовиках трупы собак, оказалось, что их около тысячи.

Но на этом ужасы не закончились. Можно сказать, что они только начались.

Добив всех собак снаружи, несколько добровольцев спустились в бомбоубежище. Здесь уже было проще – оставшиеся псы не бросались на людей. Они покорно ждали пули и, получив ее, тихо умирали. Потом поняли, что здесь остались только недавно ошенившиеся суки.

Очистив от собак подземелье, милиционеры решили обследовать его. Хотелось узнать, что же заставило четвероногих «друзей» собраться здесь в таком количестве.

Участковый Игнатов, который тоже был среди добровольцев, держа на руках попискивающего щенка – рука не поднялась пристрелить, – дошел до самого дальнего коридора, толкнул полусломанную дверь, посветил фонариком и обомлел.

В огромной комнате лежала груда человеческих костей: ребра, черепа, берцовые кости... Наверное, собаки не смогли растащить их потому, что в полусломанной двери была только узкая щель.

На следующий день приехали эксперты.

Выводы их оказались ошеломляющими.

Пятнадцать трупов. Семь мужчин и восемь женщин.

Но убили этих людей не собаки – у всех черепов в затылке была маленькая дырка от пули. Кто-то этих мужчин и женщин расстрелял.

И самое странное, что никто не искал погибших.

Глава 6

ВОЗДУШНЫЙ ШАР

- У тебя все готово? Ты где?
- Дома... Ты мне по домашнему звонишь...
- Ах да... Так у тебя все готово? А мэр будет?
- Будет.
- Точно?

Потом позвонили еще человек восемь, и всех интересовал прежде всего мэр. Сегодня Иринины сборы на работу проходили с трубкой у уха.

- Я распорядилась...

Колготки запутались – гадкая примета...

- Этим Сафонов занимается, у него спрашивай. Как заболел? Когда? Сафонов заболел? Вот тебе раз... Это не примета, но приятного мало.

- Привет, это Сафонов.

- Нашел когда болеть!

- Кто тебе сказал? Я в приемной у Нагатина с шести утра!

Бардак! Только пусти наших людей в иностранную фирму – сразу бардак!

- Йес! Гуд морнинг, Петер! Донт ворри, ай шел ду май бест!

Начальство засуетилось. Много, много она на себя взвалила! Если не справится, на нее всех собак спустят.

- Да, слушаю! Кто это? А вы кто? Нет, к стоматологу не записываем, правильно номер набирайте!

Чайник не закипает. Что с головой делать? Швабра какая-то, а не голова.

- Светка, привет! Тебе щипцы электрические очень сейчас нужны? Тогда я заскочу!..

Воды нет! Нет горячей воды! И холодная капает кое-как.

- Алло, здравствуйте. В пятнадцатом доме нет горячей воды, что случилось, это надолго? Что?! Когда?! Через три недели?! Нет, не читала... Да не висит у нас никакое объявление! Да, значит, сорвали...

Почему? Почему летом отключают воду? Люди летом потеют меньше? Почему ее вообще отключают?

Чайник закипел. Чашку на кофе, а остальное на голову. Нет, на кофе – полчашки...

- Ирка, я тебе по секрету. Свенссон беспокоится.

- Он звонил мне пять минут назад, я ему все по полочкам разложила.

- А он как раз после разговора с тобой и забеспокоился...

- Да ну тебя! Будь что будет...

- Как знаешь... Я предупредила...

Все в подруги набивается. Знаем мы, какая из тебя подруга. За «Голден леди» мать родную продашь.

- А у бабули теперь занято. И с кем можно трепаться в такую рань?

- Малыш, здравствуй... Разбудил?..

И сердце затрепыхалось пуще прежнего. И ковшик с теплой водой завис в воздухе над головой.

Руфат. Они вчера собирались сходить на «Годзиллу». Она обещала позвонить и не позвонила. Замоталась. Так всегда, о самом близком человеке вспоминаешь в последнюю очередь.

- Руфик, я не могу сейчас говорить. Ни минутки не могу. Простишь?

Он простит. Он простил ее даже тогда, когда она заявила, что не любит его. Улыбнулся только, жалобно так. И в тот момент Ирина вдруг ощутила, что любит. Вроде бы... Во всяком случае, она пыталась себя в этом убедить.

Эх, взять бы отпуск и запереться с Руфатом на целый месяц! Уж за месяц можно будет разобраться в своих чувствах. Да какое там!.. В конце недели опять надо в Прагу лететь.

Бабуля опять трубку не поднимает. Только что занято было! Наверное, на кухню ушла и не слышит. Глухомань!..

– Аллю! Стоматолог сегодня не принимает! И гинеколог тоже! А вот так!

Перед выходом, а вернее, вылетом у зеркала задержалась, чтобы полюбоваться собой. Хороша! Никакой мэр не устоит...

В лифте опять лампочку выкрутили. Или сама перегорела. В темноте крошечной не разберешь. Раздолье для маньяка, хоть свечку с собой носи.

– Ну ты сегодня ва-аще! – восхищенно воскликнул парнишка лет восемнадцати, новый сторож с автостоянки. Имени его Ирина не помнила, хоть тот пару раз и пытался к ней поклеиться. Лицом совсем неплох, но уровень, увы, не тот. Сторож автостоянки... Этого Ирина позволить себе не могла.

Двигатель завелся с первого оборота. Наконец-то добрая примета!

В узкий двор задом пыталась въехать длинная фура. Водитель по пояс высунулся из окна, пытаясь рассмотреть, много ли осталось до мусорного контейнера. Если проедет еще метра три – все, перегорит дорогу.

Ирина вдавила педаль газа и рискованно проскочила между фурой и мусоркой.

– Дура! – донеслось ей вслед.

В ответ Ирина выставила в окно руку с вытянутым средним пальцем. Кажется, она поймала кураж.

По пути к Маяковке успела переговорить с дюжиной бестолковых мужиков. Одного так просто послала на три буквы. Достал... А бабушка опять на телефоне повисла. Ну и ладно.

Прямо под памятником Маяковского Ирину уже ждали в полной боевой готовности несколько высоких милицейских чинов. У каждого в руке хрипела рация.

Вот с этими все легко и понятно. Белое, это белое. Черное, это черное. Надо перекрыть Тверскую? Что ж, перекроем, будьте спокойны.

В ту минуту главным человеком для них была Ирина, и офицеры никоим образом не нарушали эту субординацию. Только один полковник постоянно задавался тихим вопросом в пустоту:

– И кому все это надо?..

Идея в будний день перекрыть главную улицу столицы и пройти по ней веселым карнавалом принадлежала Ирине. Она ляпнула об этом на селекторном совещании фирмы. Именно что ляпнула, только чтобы не молчать. А Свенссону понравилось. И он распорядился начать подготовку. И назначил Ирину ответственной за это рекламное мероприятие. Он из своей заграницы не видел перекошенную рожу Владимира Дмитриевича.

Сколько порогов пришлось ей обить, в скольких важных кабинетах перебивать, со сколькими чиновниками пообщаться, какую сумму наговорить по мобильному – теперь уже и подсчитать невозможно. Ирина не знала отдыха, вкалывала и днем и ночью все эту неделю. Сначала от страха, что проколется, а затем втянулась и даже стала удовольствие получать от этого немислимого круговорота событий. Она ощутила себя настоящей «бизнес-вумен». Завистников на работе конечно же поприбавилось, ну да черт с ними, с завистниками.

– Вот эта кнопка для разговора, – инструктировал Ирину милицейский чин, протягивая ей рацию. – И держите ее крепко-крепко, не отпускайте.

– Хорошо...

– А в остальном – все, как договаривались. Не волнуйтесь, не подведем. Но и вы уж постарайтесь...

Рация оказалась невероятно тяжелой и большой, в сумочку не влезала. Придется повсюду таскать ее в руке.

– Да, вот еще что... Мы сегодня в баньке собираемся попариться всем командным составом, – продолжал как бы на ту же тему чин, только теперь уже почти шепотом. – У нас традиция такая, по вторникам... А банька хорошая, ведомственная, вам понравится.

– Вы приглашаете меня в баню? – уточнила Ирина.

– Ну так... – засиял чин. – Не подумайте чего плохого. Мы люди немолодые, серьезные. Кажется, ее окончательно признали за свою.

– Спасибо, конечно... Я подумаю.

Ровно в полдень на опустевшую Тверскую тягач выкатил платформу, выполненную в форме огромного сотового телефона. Верхушка его антенны раскачивалась на уровне второго этажа. Из чего эта махина была сделана, Ирина толком не знала, то ли из гипса, то ли из каучука, но средств в нее фирма вбухала немерено. Как и во все остальное. А остальное – это духовой оркестр, девушки-барабанщицы, клоуны на ходулях и без ходуль, танцоры, жонглеры, фокусники, акробаты, детишки с воздушными шариками. Вся эта толпа дудела, гудела, шумела и всячески пыталась изобразить некий праздник телефонизирования.

– Пусть ваши мысли услышат! – возбужденно несло из динамиков. – Позвоните родителям из любой точки света!

Прохожие невольно останавливались и кто с улыбкой, а кто насупленно пытались понять, что происходит.

Ирина шла перед тягачом с видом военачальника, расправив плечи и чеканя шаг. В одной руке – мобильный, в другой – милицмейская рация, из которой ежесекундно доносились чьи-то хриплые команды. Ей почему-то казалось, что все вокруг смотрят только на нее. И была недалеко от истины.

Колонна медленно продвигалась к мэрии. Настолько медленно, что старушки, стоявшие на троллейбусных остановках, приходили в отчаяние и осыпали шествующих проклятиями. Впрочем, когда клоуны начали в разные стороны разбрасывать пластиковые пакеты с символикой фирмы, противников карнавала поубавилось. Хватали целыми пачками.

Группка подростков с гиканьем выбежала на мостовую и попыталась присоединиться к шествию, но пацанов в момент отогнали бдительные милиционеры.

– Пусть идут! – закричала Ирина. – Это же хорошо!

Но ее не слушали, теснили мальчишек к тротуару.

А на Пушкинской творилось что-то невообразимое. Автомобили облепили площадь, звуки клаксонов слились в единый какофонический вой, но вскоре и он потонул в бодреньком марше духового оркестра.

– Запускайте шар! – скомандовала Ирина в мобильный.

И через минуту над Тверской, прямо между мэрией и памятником Юрию Долгорукому тяжело поднялась наполненная гелием резиновая телефонная трубка размером с небольшой крейсер.

Перед мэрией за ночь успели сколотить небольшую трибуну. Возле нее столпились телевизионщики и фотокорреспонденты. Все ждали мэра. Он появился, когда колонна поравнялась с трибуной. Легко взбежал по ступенькам и, поправив кепку, приветственно замахал руками. Затем на трибуну поднялся напыщенный Петер Свенссон, специально по такому случаю прикативший в Москву, и торжественно преподнес мэру новейшую продукцию своей фирмы. Защелкали фотокамеры. Настал момент истины. Акция удалась.

Затем мэр что-то долго и запальчиво говорил о важности делового сотрудничества, к чему-то призывал инвесторов, грозил противникам реформ... Свенссон улыбался, не выпуская руки мэра из своих рук, а фотокамеры все щелкали и щелкали.

Ирина махнула водителю тягача, чтобы он ехал дальше, а сама остановилась, завороченно глядя на запруженную людьми и телевизионной техникой площадь перед мэрией. Как-то не верилось, что все это организовала она сама. Практически в одиночку, без чьей-либо помощи. Справилась. Осилила. Чудо свершилось.

– На Пушкинской транспорт можно запускать, – сказала она в рацию.

– Понял, – ответил знакомый голос. – А как насчет баньки?

– Думаю... – улыбнулась Ирина.

На самом деле она думала о том, как бы познакомиться с мэром. Другой такой возможности может и не быть. А он уже вроде как отговорил свою речь и, еще раз крепко пожав руку Свенссону, начал спускаться по лесенке.

Расталкивая репортеров, Ирина приблизилась к трибуне, и тут ее заметил Петер. Он поднял над головой большой палец, мол, все в полном порядке.

А еще через секунду прогремел выстрел.

– На землю! – закричал кто-то.

И несколько крепких парней повалили мэра на землю, закрывая его своими телами. Толпа вздрогнула, громко ахнула, затем на какое-то мгновение над площадью воцарилась мертвая тишина, после чего началась безумная паника. Люди бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног. Вопили женщины, орали мужики, плакали дети...

Лишь телеоператоры не двигались с места, хладнокровно фиксируя события на пленку. Через несколько минут этот кошмар покажут по телевизору. Если уже не показывают в прямом эфире.

– Что там происходит? – взволнованно спросила рация.

Ирина смотрела на Свенссона. Тот стоял на трибуне, накрепко вцепившись побелевшими пальцами в поручни и дико вращая глазами, в которых легко читалось беспомощное отчаяние. Наверное, пытался вспомнить, когда ближайший рейс на Стокгольм.

– Всем постам! К мэрии! Быстро! – приказывала кому-то рация. – Черт побери, что вы там натворили?

– Это вы мне? – переспросила Ирина.

И в этот момент к ее ногам упал огромный кусок красной резины.

– Тебе, Пастухова, тебе! Что там у вас?

– Кажется, это просто шарик лопнул...

– Что?! Кто лопнул? – недоуменно закашляла рация.

– Шар... Воздушный...

Глава 7

МОНАСТЫРЬ

Везли на простой электричке. Набили полный вагон калек, уродов, старых и малых, в дверях встали по двое крепких мужиков и покатали по рязанской дороге.

Хоть все окна в вагоне были открыты, через час езды дышать уже было нечем. Впрочем, это мало кого волновало. Народ привычный и не к таким «прелестям». Люди вокруг Сынка сидели поначалу притихшие, испуганные, а потом потихоньку развеселились. Слепой гармонист начал даже наигрывать что-то веселенькое, «Камаринского», что ли. Сынок в музыке плохо разбирался. Он больше думал о том, что реклама называет красивым словом «имидж».

С детства еще знал, что везде и всегда держаться надо независимо, обособленно, на вопросы отвечать не сразу, а лучше вообще не отвечать. Тогда кажется, что ты мудрее и основательнее. К Сынку сразу же подкатили двое пронырливых и крикливых мужичков. Обоим лет за пятьдесят. У обоих не было по уху и по руке. Только у Саши справа, а у Паши слева. А в остальном они были похожи, как родные братья-близнецы.

– Ага, мы инвалиды с детства, – опередил догадки Сынка Паша. – Мы родились сросшимися, как сиамские близнецы, а великие советские хирурги нас разрезали.

– Чтоб им пусто было, – неожиданно добавил Саша. – У нас на двоих три руки было. Им бы, сукам-коновалам, хоть одному эту руку оставить...

– Мне.

– А почему это тебе? Мне!

– Ага, у тебя нет левой, а у меня – правой! Кому нужнее?

– Тебе какая разница? Ты левша!

– А у меня был выбор?

Близнецы уже чуть не подрались, когда вошел здоровяк из тамбура и цыкнул на них:

– А ну-ка, тихо, мелочь.

Братья тут же успокоились.

– Могли бы кому-нибудь руку оставить, так нет, – продолжал Саша, – равноправие, мать их так.

– Хорошо, пускай руку тебе, а ухо мне!

– Почему тебе ухо?

– Потому что тебе руку!

Сынку уже надоел этот дурацкий спор, и он спросил:

– А куда нас везут, знаете?

Сиамские близнецы задумались и ответили чуть не хором:

– На курорт. – И сами же рассмеялись собственной шутке.

– Не знаем мы, – отсмеявшись, сказал Паша. – И какая разница? Кормят, платят – хуже не будет.

– Я слышал, – понизил голос Паша, – американцы построили такое место для инвалидов. И там людей не хватает. Вот нас и везут.

В добродетельных американцев Сынок не очень-то верил, хотя эту версию выдвигали уже несколько его попутчиков. Но уж слишком не походили на помощников благотворителей крепкие ребята, охранявшие бомжей.

– А не понравится – смоемся, – оптимистично заявил Саша.

«Действительно, – подумал и Сынок, – чего я дергаюсь? Не покатит – уйду и все».

Скоро уставшие от монотонности дороги бомжи в вагоне задремали. Сынок тоже поклевал носом, даже увидел какой-то замысловатый сон почему-то из жизни Древней Греции.

Кажется, если ему не изменяла память, это было что-то о Спарте. Еще когда-то учитель истории, которого обожали все – и пацаны и девчонки, – рассказал им историю о пареньке, который в этой самой Спарте нашел лисенка и принес его на урок, спрятав за пазуху. Лисенок, зараза такая, начал его кусать, а он не мог виду подать, чтобы учителя не заметили. Так лисенок прогрыз ему живот до самых кишок. Вот Сынок себе и приснился этим пацаном...

– Подъем! – гаркнули над самым ухом. – На выход!

Электричка подкатывала к какой-то небольшой станции. Какой, Сынок не разглядел – на улице уже был вечер.

Бомжи стали хватать свои пожитки и тянуться к выходу, но крепкие парни эти мешки, котомки, рваные сумки и пакеты у бомжей вырывали из рук и выбрасывали.

– Нечего, нечего, там вам все новое дадут.

У Сынка никаких пожитков не было, поэтому ему волноваться было нечего, а вот с сиамскими близнецами повозились – те вцепились в свой небольшой солдатский мешок и ни за что не хотели его отдавать. Стояли плечом к плечу и довольно ловко отбивались от крепкого парня.

– Не тронь! Не отдадим!

На помощь пришли другие парни, близнецов расцепили и, отобрав мешок, вышвырнули на платформу.

Мешок упал прямо под ноги Сынку, и он незаметно сунул его под пиджак. Зачем он это сделал, он и сам не знал.

Электричка стояла, пока не вышли все бомжи. Просто один из парней сдернул стоп-кран и не отпускал его, пока вагон не освободился.

«Они тут, как хозяева, – подумал Сынок. – С ними шутить не стоит».

Выстроив бомжей на платформе и пересчитав их, парни произнесли напутственную речь, смысл которой сводился к простому – идти недолго, в пути не отставать, если кто отстанет, мы поможем.

Как потом оказалось, все нехитрые тезисы этой речи были сплошным враньем.

Бомжи тащились сначала по дороге, а потом по лесной тропе часа три. Скоро многие стали отставать, падать от усталости, особенно калеки. Но парни с этим справлялись лихо – просто начали отставших бить почем зря. Да весело так бить, с шутками-прибаутками.

– Шоковая терапия, ребятки!

– Дают – бери, бьют – беги!

– На земле лежать – вредно для здоровья!

– Не спи, простудишься!

Безропотные бомжи кричали, стонали, но поднимались и шли. Сынок тащил на плече Сашу, который тихонько ныл:

– Лучше бы я сдох в канаве... Лучше бы меня менты загребли... Лучше б я стал гомосексом...

Последняя перспектива рассмешила Сынка, а оказывается – зря. Обиженный почему-то Саша с горячей обидой и не менее горячей, но тщательно скрываемой гордостью рассказал, что к нему на Савеловском рынке, где он промышлял попрошайничеством, не раз подкатывался какой-то «приличный человек», как выразился сам Саша, со странным предложением – «участвовать в судьбе».

– Это что значит? – спросил Сынок.

– А ты сам не сечешь? Трахнуть он меня хотел. Извращенец хренов. А с виду – приличный человек. Эх, лучше бы я гомосексом стал.

Когда наконец вышли из леса, шумная компания была тиха и жалка.

– Все, ребята, пришли! – приободрили бомжей крепкие парни. – Ну-ка, построились, веселее.

Посреди огромной поляны в темноте ночи белели высокие белые стены. Почему-то казалось, что эти стены невероятной толщины. Прямо-таки крепостные. За стенами угадывались церковные купола. Огромные чугунные ворота были закрыты.

– Э-э... – протянул Паша. – Это че, монастырь? Я в монахи не пойду. Я че, дурной? Я и в Бога не верю.

Наверное, такие же мысли осенили головы и других бомжей, потому что и так не очень бодрый ход толпы сначала замедлился, а потом и вовсе остановился.

– Вот тут, Сашка, тебя гомосексом сделают точно, – мрачно предрек Паша. – Монахи же все пидоры.

– Чего встали? Вперед.

Но толпа угрюмо молчала. Эти несчастные, полуголодные, больные люди, будущее которых было беспросветным и ничтожным, ни за что не хотели променять свою никчемную жизнь на благочестивую.

– Мы в монастырь не пойдем! – наконец решился кто-то высказать общую мысль.

– Кончай бузить! Какой это монастырь? Тут нормальные люди живут, – расхохотались парни. – Вас там, придурков, оденут, обуют, вымоют и накормят.

Но толпа уже парням не верила.

Неизвестно, чем бы кончился этот молчаливый бунт, если бы ворота вдруг со скрипом не распахнулись и не вышли бы к толпе прибывших несколько человек с фонарями.

Это тоже были одноногие, однорукие, ущербные люди, но куда более сытые, здоровые и счастливые на вид.

– Картавый! Вовка! – радостно закричал один из них, увидев кого-то в толпе. – И ты здесь?! Канай сюда, обнимемся! Чего мнешься, дурак, ты знаешь, как тебе подвезло! В рай попал!

Он обнял одного из пришедших, а тут и другие разыскали своих знакомых по прежней нищей жизни. Началось живое общение, которое всегда убедительнее всяких призывов. Обитатели странного монастыря расписывали нынешнюю свою жизнь в таких лучезарных красках, так убедительно, что вновь прибывшие постепенно оттаивали.

– Ну хватит тут разговоры разговаривать, – вышла из ворот пышногрудая тетка, почему-то со скалкой в руке, – ужин стынет! Есть-то хотите?

Вид у нее был такой уютный, вкусный, домашний, что бомжи сразу признали в ней то ли мамашу, то ли любимую жену. Наверное, еще и скалка в ее руках придавала образу давно забытое нищими ощущение семейного тепла.

Уже размягченная толпа бомжей потянулась в ворота, а Пашка подскочил к пышногрудой и наябедничал:

– А нас в дороге били!

– Как били? – не поняла тетка. – Кто?

– Да вот эти! – он ткнул пальцем в крепких парней.

– Вас били?! – ахнула тетка.

– Били! – закричали бомжи. – Вот эти фашисты!

И скалке тут было найдено применение. Как же тетка охаживала по бокам крепких парней – ну прямо тебе строгая жена привечает пьяного мужа.

Бомжи зашлись в злорадном хохоте, который окончательно успокоил их.

Только Сынок подумал: «Чего-то слишком мягко стелят».

Впрочем, вслух не высказался, держал «имидж».

Действительно, постригли, продезинфицировали, вымыли, дали более или менее приличную одежонку и накормили просто, но от пуза. И тут увидел Сынок, что люди вокруг него обычные. Конечно, инвалиды, конечно, калеки, но физические недостатки перестали быть так

видны, а высветились лица – нормальные лица нормальных людей. Даже откуда-то из забытых заглазников достали приличные манеры: пропускали вперед женщин, помогали безногим, не бросали объедки на пол, даже не чавкали. И разговоры вдруг пошли вполне человеческие, даже задушевные. Конечно, вспоминали милые времена, когда были физически здоровыми, когда могли работать и любить.

Сынок улучил минутку и заглянул в мешок, столь рьяно оберегаемый Сашей и Пашей. Были там, как у хорошего солдата, – ложка, нож, котелок, теплые портянки, сточенные лезвия и несколько парных фотографий, очевидно, родители близнецов, хотя почему-то пар этих было несколько.

Чего уж сиамские близнецы так за этот мешок держались, разве что фотографии жалко было?..

Сынок вернул нехитрый скарб Саше и Паше, которые чуть руку ему не обцеловали за это.

Изнутри монастырь оказался... монастырем. Только в церквах были столовые, какие-то мастерские, огромные спальни, еще что-то, чего Сынок рассмотреть не успел или не смог – многие помещения были закрыты.

Когда поели и покурили на улице, повели всю компанию размещаться на ночлег.

Женщин в одну сторону, мужчин – в другую.

– Ты рядом с нами просись, – советовали близнецы. – Ты нам теперь кореш по гроб жизни.

Но просить и не пришлось. Их завели в небольшую церковку, где уже стояли у стены разобранные железные кровати, свалены были в углу матрасы, на входе выдали каждому комплект постельного белья и полотенце. Бомжи сами собрали кровати, которые очень напоминали солдатские, сами поставили, как считали нужным.

Сынок расположился рядом с окном, на верхней койке, а близнецы еще долго спорили, кто будет спать под ним, впрочем, конца спора он уже не слышал, уснул. Даже подумать не успел...

Глава 8

ДЕНЬ ОГОРЧЕНИЙ

Ирина подхватила Руфата у метро.

Обнялись. Поцеловались.

– Ты чего такая горячая? – проведя ладонью по ее щеке, проворковал Руфат.

– В бане была.

– В какой бане? Ты же не ходишь в баню...

– В ведомственной.

– А зачем?

– Дома воду горячую отключили.

Парень не смог уловить, шутит она или говорит правду. Вроде шутит. А глаза при этом серьезные.

– Есть хочешь? – спросила Ирина.

– Нет.

– А я хочу есть.

У входа в ресторан Руфат замялся. Заведение было швейцарское, очень дорогое.

– Не бойся, сегодня я угощаю, – хлопнула его по плечу Ирина.

– Нет, погоди... Кто из нас мужчина?

– Ты мужчина, ты. А я эмансипе. Идешь или нет?

Их провели в зал, усадили за столик у окна, зажгли свечку, подали аперитив. Все это время Руфат насупленно молчал.

– Ну? – Ирина подняла бокал.

– За тебя, – скупомолвил Руфат. – Верней, за нас.

– Банально, но если нет других предложений...

Чокнулись, выпили.

– Я соскучился.

Он еще не знает, что она все решила. Как ему сказать? Он же не отпустит.

– Я тоже...

– Мы не виделись больше месяца. У меня поллюции начались.

– Фи.

– А у тебя все работа, работа... Я больше не могу так... Я хочу быть рядом... Каждую минуту... Или хотя бы каждую ночь...

– Тише.

– Ты переедешь ко мне?

– Налей еще вина.

– Переедешь?

– Нет.

– Почему?

Он смотрел на нее зло, почти с ненавистью.

– Долго до работы добираться.

– Опять эта работа... Развалилась бы эта фирма к чертовой матери...

– Да? А жить на что?

– Я буду зарабатывать.

– Вот когда начнешь, тогда и поговорим...

– Значит, все дело в деньгах? – догадался Руфат, и эта догадка привела его в ужас.

– Ты хотел налить мне вина.

– Ну да, конечно... Я мало зарабатываю, вот в чем дело... А то, что я тебя люблю, что думаю о тебе постоянно, – это так, пустяки...

– Руфаш, деньги здесь ни при чем... – она положила ладонь на его запястье. – И не говори больше такие глупости, пожалуйста... Мы сейчас поужинаем, потом поедем ко мне, и мир сразу станет прекрасней...

– Ну вот. Опять ты все за меня решила.

Нет, она не сможет ему сегодня сказать. Он слишком заведен, еще глупостей всяких натворит.

– Я очень устала, Руфаш... Сегодня такое на работе было...

– Опять ты про работу? Нет, я как-то не вписываюсь в твои планы. Явно не вписываюсь... Ты меня все еще не любишь?

– Давай помолчим немного.

– Давай.

Когда Ирина расплачивалась своей кредиткой, Руфат отошел в сторону...

Потом они долго ехали через запруженную Москву и болтали о всякой веселой ерунде, отношения больше не выясняли, напряжение как-то само собой улетучилось.

Он внес ее в квартиру на руках, положил на кровать, сам лег рядом и серьезно произнес:

– Знаешь, мне наплевать, как ты ко мне относишься...

А через час Ирина лежала на спине, раскинув руки и блаженно полужакрыв глаза. Такого оргазма у нее не было очень-очень давно. А может, и вовсе никогда не было. И Руфат в этот раз был каким-то другим, будто подменили человека...

Ирина окончательно запуталась. Она все еще была уверена, что не любит его. Но разве можно испытывать такие чувства к мужчине, которого не любишь? Запуталась...

Руфат где-то рядом шуршал джинсами.

– Ты одеваешься?... – не открывая глаз, тихо спросила Ирина.

– Да...

– Зачем?..

– Ухожу.

– Куда?..

– Домой...

Она резко приподнялась на локте:

– Что случилось?

– Ничего... Тебе завтра на работу. Ты должна выспаться.

– Я выплюсь. С тобой.

– Я буду мешать.

– Не будешь, дурачок. Ложись рядышком.

– Это ты думаешь, что я дурачок... А я не дурачок... Все, привет...

И прежде чем она успела его остановить, Руфат буквально выбежал из квартиры, громко хлопнув дверью.

Еще какое-то время Ирина голой простояла в прихожей, пытаясь понять, что произошло. Наконец поняла. Он довел ее до блаженства и оставил. Красиво. Посмотрим, что он завтра запоет...

Спать совершенно не хотелось. Ирина бесцельно послониалась по квартире, выпила холодной воды, позвонила бабушке. Опять занято. Это уже становилось странным.

Первое, что Ирина увидела по телевизору, был репортаж с Тверской. Разумеется, основное внимание было уделено взрыву гигантского резинового телефона. Оказалось, за то время, что Ирина провела с Руфатом, милиция задержала мальчишку лет десяти, который и подбил рекламный дирижабль с помощью обыкновенной рогатки и металлического шарика.

– Малыш, скажи, зачем ты это сделал? – спрашивала у него журналистка.

- Не зна-а-аю... – канючил малец.
- А кто знает?
- Не зна-а-аю...

Затем журналистка попросила в камеру родителей мальчугана, чтобы они пришли в отделение милиции и забрали своего сына, потому что сам он не помнит, где живет...

– Придурки, – сказала вслух Ирина, имея в виду и мальчика, и его родителей, и журналистку, и Руфата, и всех остальных, вместе взятых.

И тут она вспомнила, что не вернула соседке электрические щипцы.

– Ты чего такая? – спросила Светка, едва Ирина переступила через порог ее квартиры.

– Какая?

– Загадочная.

– С Руфатом поругалась.

– С хачиком с этим? – ехидно засмеялась Светка. – И правильно, пусть убирается в свою чучмекию.

Ирина пропустила оскорбления соседки мимо ушей. По существу, она даже в некоторой степени была согласна со Светкой. Пусть убирается. Только чучмекия здесь ни при чем, потому что он москвич и по паспорту русский.

Весь прошедший день состоял из радостей и огорчений. Но огорчений все-таки было больше...

Глава 9

СПАРТАНСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

Он проснулся, когда бомжи спали. Храп и стон стояли, как в казарме. Сынок помнил эти беспокойные солдатские сны. Особенно когда был уже «дедом» и мог отсыпаться днем, а по ночам гонял в «дурака» или пил с такими же старослужащими. Иногда из «красного уголка», где они располагались на ночные развлечения, выходил и видел сотню разметающихся, беспоконных во сне мальчишеских тел. Тогда еще думалось, что все это скоро для него кончится. Не знал, что «скоро» растянется еще на полгода, за которые он побывает на чеченской войне и потеряет руку.

Какое-то время Сынок лежал тихо, прислушиваясь к тому, что происходит за стенами церкви, – было тихо.

Летние ночи короткие, и Сынок знал, что ему надо поторопиться. Скоро начнет светать.

Он тихонько сполз с верхней койки, натянул ботинки, одеваться не стал, чтобы, если его застукают, сказать, что шел в туалет и заблудился.

Тихо пробрался к двери и потянул ручку на себя – не тут-то было. Дверь была заперта.

«А если мне действительно в туалет? – безмолвно возмутился Сынок. – Не на пол же».

Но тут же увидел в углу ведро с крышкой – парашу.

Значит, выходить теперь надо было только на свой страх и риск и, уж конечно, не попадаться.

Сынок тихонько открыл окно – еще с вечера заметил, как это сделать, – и выскользнул на двор.

Это было второе правило Сынка после «имиджа» – знать всегда немного больше, чем остальные.

Он ничего особенного не искал – он должен был осмотреться, так, на всякий случай. А еще – по ночам всякие тайны открываются, что тоже полезно.

Первым делом пробежался по периметру стены. Это заняло минут двадцать – тридцать, хотя Сынок торопился. Территория монастыря оказалась огромной. Все выходы и входы в стенах были накрепко закрыты. А возле главных ворот еще и дежурили двое в камуфляжной форме. Но оружия при них не было.

Правда, Сынок приметил одну лазейку – прямо у стены рос высокий дуб, по его стволу вполне можно было забраться на самый верх, но вот как потом слезать с обратной стороны, этого Сынок еще не придумал.

Дальше он начал обходить одно за другим закрытые помещения. Тут случился казус. Сынок долго ломал голову, как проникнуть в закрытый сарайчик, а когда наконец придумал и проник, оказался в совершенно пустом помещении.

«Странно, – подумал Сынок, – если сарайчик пуст, зачем его так тщательно закрывать?»

Впрочем, задумываться ему особенно было некогда – надо было до рассвета обследовать еще много мест.

Дальнейшие его путешествия по территории монастыря поставили перед Сынком еще больше загадок. Здесь были такие странные вещи, которые никак не вязались, во-первых, со стенами монастыря, а во-вторых, с его обитателями.

Так, например, Сынок нашел большую костюмерную. Наверное, такие бывают в театрах. Каких только костюмов здесь не было! Военная форма, милицейская, летная, полно шикарных костюмов и безобразного рванья...

В другом месте он нашел хорошо оборудованный хирургический кабинет. Был зал, полный манекенов. Была комната с компьютерами. Были помещения со множеством тренажеров и еще какими-то странными сооружениями.

«Куда я попал?! – терялся в догадках Сынок. – Что это за место такое?»

Конечно, осмотрел он далеко не все. Кое-куда он не мог попасть, потому что входы охранялись, кое-где все было закрыто наглухо и даже окна заклеены черной бумагой.

Да, теперь Сынок знал больше, но все его знание сводилось к одному – слишком много странного.

Вновь прибывших бомжей разбудили в шесть часов, выгнали на улицу и заставили сделать зарядку. Потом отпустили десять минут на помывку и туалет и погнали в столовую.

«Армия! – сокрушенно качал головой Сынок. – Надо же!»

А после завтрака всех выстроили на площадке перед главным зданием, которое Сынок окрестил плацем.

По высокому широкому крыльцу спустились несколько человек, одетых более чем легкомысленно – белые шортики, веселые рубашки и сандалии.

– Здорово, орлы! – гаркнул один из них, самый толстый и самый старый.

Бомжи ответили нестройным хором.

– Сейчас у вас начнется рабочий день, наши консультанты отберут вас и распределят по группам. Работать будете по двенадцать часов в сутки, сон восемь часов, питание трехразовое, баня каждые три дня. Раз в неделю – кино. Выход за территорию запрещен. Я хотел бы в этом месте пожелать вам, натурально, успехов и отпустить с миром, но у меня к вам только один вопрос: кто из вас сегодня ночью выходил из спального корпуса?

Сынок уже хотел было поднять свою руку, но Саша вдруг вцепился в нее и зашептал:

– Сынок, не надо, не выдавай меня.

«Ого, – подумал Сынок, – не я один такой мудрый».

– Я жду, – сказал толстяк. – Этот человек нам известен. Он нарушил режим, хотя еще и не знал о его существовании. Это несколько смягчает его вину. Но наказан он все равно будет. Если сознается сам – наказание, натурально, будет мягче.

Бомжи озирались друг на друга. Была неприятная минута молчания.

– Ну, я вызываю нарушителя в последний раз.

– Я! – поднял-таки руку Сынок.

Толстяк склонил голову набок, вглядываясь в смельчака.

– Пойди сюда, сынок, – сказал он, не подозревая, что угадал кличку.

Сынок вышел из строя и подошел вплотную к старику. Он ничего не боялся. После войны люди мало чего боялись, кроме самой войны.

– Как тебя зовут, сынок?

– Сынок.

– Шутник, – криво усмехнулся старик. – А меня – Константин Константинович. – И вдруг без размаха больно ударил Сынка поддых.

Сынок, впрочем, был готов к этому. И вовремя напряг пресс. Но все равно, удар оказался болезненным. С трудом удалось не задохнуться.

– А теперь верни то, что ты взял без спроса, натурально.

Сынок ничего не брал. Отдавать ему было нечего. Но и закладывать Сашу он не хотел.

– Я ничего не брал, – сказал Сынок.

Константин Константинович кивнул своим помощникам, и те, подступив к Сынку, ловко заломили ему руку за спину и повернули лицом к толпе.

– Если мы найдем у тебя то, что ты украл, – сказал старик, – тебя накажут сильно.

– Ищите.

Руки стали ощупывать его профессионально, начиная с ног, потом подмышки, спину, и только в конце – карманы.

Еще когда руки обыскивающего только приближались к карманам, Сынок понял, что влип.

– А это что такое? – торжественно поднял над головой хирургический скальпель, переданный ему помощником, старик. – Это тебе трогать нельзя было.

Сынок с ненавистью посмотрел на Сашу, но тот даже глаз не отвел.

– Ну, раз уж ты его взял, почему бы его, натурально, не использовать? – сказал старик. – Проверим, острый ли он?

И, подойдя к Сынку, старик чиркнул скальпелем по его груди.

Протрещала разрезаемая скальпелем рубаха, кожа отвалилась, и брызнула кровь.

Тут Сынок вдруг вспомнил свой сон: рана получилась кривая, словно лисенок прогрыз.

– Вот так, – сказал Константин Константинович. – В следующий раз – отрежу голову. А теперь отведите его в санчасть. Остальных – на работу.

С этого дня Сынок усвоил еще один закон – никому не верить.

Глава 10

БАБУЛЯ-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Нет, это уже было невыносимо. Опять занято. Придется ехать к черту на куличики. Хотя бы только для того, чтобы от сердца отлегло.

На телефонной станции сказали, что с номером все в порядке, абонент платит исправно.

После вчерашней размолвки с Руфатом настроение было на нуле. И вообще, сработали все плохие приметы. Тапочки так и не нашлись, колготки порвались прямо на ноге, в лифте опять темень. Надо бы в РЭУ скандал устроить...

И движок что-то вдруг заартачился, завелся только раза с десятого. Надо в сервис заскочить на обратном пути...

И автомобильные пробки были длиннее обычного, и погода испортилась, и на работе все какие-то опущенные. Говорят, начальство не в духе.

Взвесив все «за» и «против», Ирина решила, что если она отлучится на часок-другой, то ее исчезновения никто и не заметит.

Однако только одна дорога до бабушкиного дома заняла не меньше часа. Ирина так давно в последний раз была в этом районе, что едва не заблудилась в россыпи панельных девятиэтажек, прежде чем нашла нужную.

Парадная дверь оказалась заперта. Ирина набрала номер квартиры. Домофон загудел, но бабушка так и не отозвалась. Вот так... Пропереться через весь город, чтобы поцеловать замок. Плохой день, тяжелый.

И все же для очистки совести Ирина решила подняться к квартире. Чтобы войти в подъезд, пришлось еще минут двадцать прождать жильца, обладавшего заветным ключиком.

В лифте как-то непривычно горел свет, а на лестничной площадке шестого этажа едко пахло то ли краской, то ли лаком, аж глаза заслезились. Ирина приблизилась к бабушкиной двери, вдавила кругляшок электрического звонка, прислушалась... Ей показалось, что за дверью кто-то или что-то зашевелилось. Она позвонила еще раз. Дверь не открывали. Впрочем, и звонка не было слышно.

– Девушка, вы сюда? – вдруг раздалось за ее спиной.

Ирина испуганно обернулась. Это был парень в настолько запачканной спецовке, что ее истинный цвет не смогла бы установить ни одна экспертиза. Парень приветливо улыбался, прижимая к груди картонный короб.

– Да... Кажется, сюда...

– Зачем же так сильно на звонок давить? – укорил ее парень. – Нежней надо, нежней.

И со всей силы ударил ногой в дверь, отчего та с грохотом распахнулась.

– Прошу!

Ирина заглянула в квартиру и обмерла. Не иначе как бабуля затеяла ремонт на старости лет. Нет, не может быть... С чего это вдруг? И на какие шиши? Да какой ремонт! Стены белые, потолки навесные, пол паркетный...

– Гарик, принимай товар! – гаркнул парень, и через мгновение откуда-то из глубины квартиры вышел высокий седой мужчина в такой же замызганной спецовке.

– Акциз на бутылке проверил? – седовласый недоверчиво заглянул в короб.

– Обижаешь. Прогдегустировал.

– Да ну!

– Буду я с этими ларечниками церемониться.

Ирина все еще стояла за дверью. Точь-в-точь – бедная родственница.

– Простите... А Зинаида Петровна... Она где?

– Зинаида Петровна? – седовласый оторвал взгляд от короба. – Какая Зинаида Петровна?
– Гузик Зинаида Петровна. Моя бабушка.
Мужчины переглянулись.
– Двоюродная, – на всякий случай уточнила Ирина.
– Ты знаешь, где Зинаида Петровна? – спросил седовласый парня.
– Нет, а ты?
– И я нет. Я вообще понятия не имею, кто она такая.
– И я, – кивнул парень.
– Она – моя двоюродная бабушка.
– Учтем на будущее.
– А это какой дом? Третий?
– Третий.
– Корпус два?
– Корпус два...
– Ничего не понимаю, – Ирина внимательно посмотрела на рабочих. – Где Зинаида Петровна?
– В ванной спряталась.
Ирина ворвалась в квартиру и напрямик в ванную. Но там Зинаиды Петровны не было.
– Ну и шуточки у вас! – разозлилась Ирина. – Кто вы такие?
– А вы кто? – встал в позу седовласый.
– Внучка этой самой... Зинаиды Петровны, – напомнил ему парень. – А мы рабочие. Ремонт тут делаем. Верней, доделываем, совсем немного осталось. А Зинаиды Петровны здесь нет. Во всяком случае, мы с ней не знакомы. Вот так. Теперь все понятно?
– А кому же вы делаете ремонт?
– Кому-то делаем...
– Кому? – Ирина уже находилась на грани взрыва.
– Вообще-то, мы хозяина квартиры в глаза не видели, – парень поставил короб на пол и начал вынимать из него всякие вкусности. – Или хозяйку.
– Да, – подтвердил седовласый. – А по всем вопросам вам лучше к начальству нашему обратиться.
– И где же ваше начальство?
– А кто же его знает?... Оно само появляется, когда захочет.
– А телефон? У вас есть телефон?
– Не работает, мы как раз проводку меняем.
– Да номер! Номер телефонный!
– Ах, номер... Где-то был... Где-то у меня записан... – и седовласый ушел в комнату, откуда обнадеживающе провозглашал: – Щас, щас, поищем... Одну минутку!..
– Хотите водки? – спросил парень.
– Не хочу.
– Хорошая водка.
– Я за рулем.
Ирина подошла к кухонному окну. Нет, дом и квартиру она не перепутала. Тот же вид, что и лет десять назад, когда она была у бабушки в последний раз. Та же детская площадочка, только вместо новеньких качелей, песочниц и «грибков» – ржавые металлические руины. Та же обнесенная белым забором школа. И хоккейная коробка на месте.
Ирину вдруг охватила паника. Происходило что-то такое, чего она, со своим математическим складом ума, никак не могла себе объяснить. Это как на американских горках. Боишься нахлынувшей на тебя неизвестности. Что за тем поворотом – резкий обрыв или мертвая петля? Ясно лишь одно – ничего приятного за этим поворотом нет...

Затрезвонил мобильный.

– Пастухова, вы где?

Голос секретарши начальника.

– У зубного, – тут же нашлась Ирина.

– Вас Владимир Дмитриевич требует. Срочно. По поводу вчерашнего.

– У меня форс-мажор, вся челюсть перекорежена, – Ирина привнесла в свою речь оттенок шепелявости. – Придумайте что-нибудь.

– Ну-у-у... Не зна-аю...

– Прикройте, прошу вас...

– А сколько вам еще надо?

– Часа два.

– Хорошо, попробую, – смиловилась секретарша. – А вы как только, так сразу дуйте сюда.

– С меня причитается.

Вот так всегда, наваливается одно за другим.

Окно украсилось узкими продольными полосочками – пошел дождь. Сильный. Ливень.

– У зубного? – улыбнулся парень. – Надо же, всякая брехня, а срабатывает.

Седовласый наконец откопал бумажку с номером. Ирина сразу же по нему позвонила. Длинные гудки.

– Что с вами? – Парень заметил, что лицо девушки вдруг сделалось серым, а глаза заволоклись слезами. – Может, водки все же выпьете?

Но Ирина, не сказав больше ни слова, быстро вышла из квартиры.

– Кто такая?.. – Задумчиво посмотрел ей вслед седовласый.

– Сказано же тебе, внучка Зинаиды Петровны! – Парень уже соорудил из табуретов что-то вроде стола, уставил его яствами и уютно устроился на полу. – Наливай, Гарик, чего стоишь?

– Странная какая-то... – Гарик разлил водку по стаканам. – И чего приходила? Может, наводчица?

Ирина сидела в своей машине, уронив голову на руль. Шум дождя приглушал ее рыдания.

Она все поняла. Обо всем догадалась. Конечно, бабушки уже нет. Она умерла, не оставив завещания... И неприватизированная квартира отошла государству... Там теперь будут жить чужие люди...

В сознании Ирины возникали туманные картинки из детства. Она пыталась вспомнить бабушку, воссоздать ее образ. И не могла. Забыла ее лицо...

А слезы все катились, и в груди першило до кашля. Зинаида Петровна мало сделала добра своей двоюродной внучке, ни разу не помогла ей ни советом, ни уж тем более деньгами, даже с Новым годом не поздравляла. Но и зла не делала вовсе, за что в наше время обычно говорится большое спасибо. Она была просто родным человеком. Родным по крови, со всеми вытекающими из этого последствиями... Просто живет где-то рядом человек, и ты знаешь – это твоя родня.

Прежде чем войти в кабинет начальника РЭУ, пришлось отстоять очередь. Очередь была небольшая, но каждый посетитель задерживался в кабинете минут на двадцать, после чего выходил в коридор с перекошенным от злобы лицом и матерясь себе под нос...

За столом сидела немолодая женщина с высокой прической и в кофточке, которая вышла из моды где-то в конце застойных лет. Начальница упоенно перекладывала на столе какие-то бумаги и не обращала на вошедшую никакого внимания.

К тому моменту Ирина уже подуспокоилась, да и слезы все, какие были, выплакала.

– Я по поводу Гузик Зинаиды Петровны.

– Садитесь, – не отрывая взгляда от бумаг, махнула рукой начальница.

Ирина села. И начался маразм в стиле социалистического реализма, от которого молодой современный человек уже давно успел отвыкнуть. А Ирина, безусловно, была молодым современным человеком.

– А вы кем ей будете?

– Внучкой.

– Паспорт, пожалуйста. Хм, а как вы докажете, Пастухова Ирина Алексеевна, что Зинаида Петровна Гузик является вам родственницей?

– Я ничего не хочу доказывать. Я хочу знать, жива она или нет. Если жива, то почему в ее квартире находятся какие-то люди? Если умерла, то где похоронена и почему никому об этом не сообщили?

– Мы посторонним таких справок не даем.

– Но я не посторонняя...

– А мне откуда знать? В вашем паспорте не написано, что вы приходитесь родственницей Гузик.

– А разве там должно быть это написано? Господи, да какая разница, кто я?

Но разница оказалась очень большой. Высокая прическа ни в какую не соглашалась раскрыть секреты своего жилищного королевства. Ни под каким предлогом! Ни за что! Ни за какие деньги! Но главное, по закону она была совершенно права.

– А что же мне делать? – растерялась Ирина.

– Ничем не могу помочь, – лаконично резюмировала все вышесказанное нафталиновая кофта.

– Но вы можете хотя бы сказать, жива она или нет?

– Не задерживайте очередь.

Эту напыщенную начальницу легче было убить, нежели вытянуть из нее хоть одно спасительное слово.

– Сука старая!.. – прошипела Ирина.

– А будете хулиганить, быстренько в отделении окажетесь, – огрызнулась тетка.

Ну конечно же! И как она сразу не сообразила?

– А кстати, где здесь отделение милиции? Или вы такие справки тоже не даете?

Милицейский двухэтажный особнячок оказался совсем рядом, практически за углом. Можно считать – повезло.

Ирине объяснили, что время приема начальника отделения, Земцова Юрия Владимировича, уже закончилось, но он у себя в кабинете, и если попытаться, то вполне может случиться так, что примет...

На каждом из погон Юрия Владимировича блестели по две крупные звездочки. Он сидел за столом в той же расслабленно-напряженной позе, что и царица РЭУ, и хотел уже было сказать вошедшей что-то грубоватое, даже рот для этого открыл... Но призадумался. А его близко посаженные к крючковатому носу глаза, внимательно рассмотрев бледное личико Ирины, начали медленно опускаться, закончив свое движение где-то на коленках.

– Вы ко мне? – тонким высоким голосом, совсем не вяжущимся с его богатырским телосложением, спросил Земцов.

– К вам.

– По какому поводу? Только не говорите, что у вас машину угнали...

Ирина присела на скрипучий стул и подробно объяснила повод своего прихода. Начальник отделения выслушал ее, опустив голову и постукивая карандашом по столу.

– Так-так, понятно, – произнес он, когда Ирина закончила. – А когда вы последний раз виделись с гражданкой Гузик?

– Уж и не помню. Лет десять назад, когда еще моя бабушка была жива.

– Угу. А почему же вы сегодня вдруг?..

– Совсем не вдруг. Понимаете, баба Зина попросила меня при случае купить ей хороший слуховой аппарат, вот я и купила.

– Вы же не виделись десять лет, – в глазах Земцова появились лукавые искорки, мол, что-то тут не сходится.

– Мы по телефону общались.

– Ах, вот как... Ну да... Насколько я понимаю, отношения у вас были...

– Да нормальные были отношения. Верней, не было их вовсе. Как-то не сложились.

– А что так?

– Неприятная это история, – призналась Ирина. – Две дочери. Одна, которая младшенькая, – любимая, другая, постарше, – будто чужая. Одной – все, другой – ничего. Так и росли. Так и не поняли друг друга, не сроднились. И мать каждый раз масло в огонь подливала.

– Странно...

– Ничего странного. Отцы разные. Бытовуха.

– М-да... Бывает...

– А десять лет назад баба Вера, моя родная бабушка, умерла. Она была старше бабы Зины на семь лет.

– Вы уж простите, – смутился Земцов, – что я так подробно расспрашиваю.

– Я все понимаю, – успокоила его Ирина, – поэтому так подробно и рассказываю.

– А когда вы последний раз говорили с бабой Зиной?

– Месяца два назад...

– Два месяца... Хм, даже если предположить, что она... это самое... ну...

– Скончалась, – подсказала Ирина.

– Да, если предположить, что она скончалась, то по крайней мере еще полгода... А еще какие-нибудь родственники у нее есть?

– Нет.

– А общие знакомые хотя бы?

– Не знаю я никого из ее окружения.

– А вы ничего не перепутали? Адрес там, улицу, номер квартиры. Все-таки десять лет... Ирина безапелляционно покачала головой.

– Разберемся, – заверил ее Юрий Владимирович и потянулся к телефону. – Алло? Это РЭУ? Здравствуйте, Земцов беспокоит. Да, начальник отделения. Я по поводу Гузик Зинаиды Петровны. Да... Да... Пастухова?.. Она как раз сейчас напротив меня сидит. Что? В смысле? Как это? Хорошо... – Он опустил трубку на рычаг и смущенно произнес: – Сейчас перезвонить будет. Хочет убедиться, что я на самом деле тот, за кого себя выдаю. Вот народец!

Высокая прическа в нафталиновой кофточке перезвонила сразу. Ирина пыталась по реакции Земцова определить, какой приговор выносится бабе Зине на другом конце провода, но выражение подполковничьего лица было непрошибаемым. Наконец он повесил трубку и радостно воскликнул:

– Жива ваша баба Зина!

– Господи... – выдохнула Ирина, и слезы опять покатались по ее щекам.

– Только вот... – Земцов протянул ей сложенный вчетверо чистейший носовой платок. – Только вот выписалась она из квартиры. Седьмого июля. То ест без малого месяц назад.

– Как выписалась? – опешила Ирина. – Куда?

– Выясним, – ласково улыбнулся подполковник. – Вы телефончик свой оставьте, я перезвоню.

– А вписался кто?

– Ой... Этого я и не спросил, – рассеянно почесал макушку Земцов. – Вот, кстати, кто должен все знать.

– Вот, здесь домашний и мобильный. – Ирина протянула ему свою визитку.

– Менеджер по связям с общественностью... – прочитал начальник отделения. – Ничего себе... Я, правда, не очень себе представляю, что это такое, но на слух солидно.

– И когда мне ждать вашего звонка?

– Давайте прикинем вместе... Я попытаюсь отыскать нового хозяина квартиры, переговорить с ним. А если не удастся, то свяжусь с участковым, он походит по квартирам, поспрашивает, наведет справки. В общем, к вечеру вполне.

– Я вас так отвлекаю от дел... – растрогалась Ирина.

– Будет вам, – подполковник поднялся и, наклонившись через стол, галантно поцеловал Ирине руку. – Милиционер тоже ведь человек.

И только сейчас Ирина вспомнила, что баба Зина когда-то ей говорила о том, что хочет уехать в какую-то деревню, у ее знакомых там дом пустует, что хочет дожить свой век на земле, коровку доить, за огородом ухаживать...

– В деревню? – задумался Земцов. – А почему нет? Я бы, знаете, тоже не отказался...

Из кабинета Ирина выходила с легким сердцем. Как все-таки приятно, когда к тебе относятся с элементарным уважением, когда слушают тебя внимательно и искренне пытаются вникнуть в твои проблемы, пытаются помочь.

А на работе ее уже никто не искал, тревога оказалась ложной. Владимир Дмитриевич укатил в аэропорт провожать Свенссона.

– Как челюсть? – на прощание осведомилась секретарша шефа.

– Как у бультерьера! – отшутилась Ирина.

Руфат так и не позвонил, хоть Ирина и ждала его звонка не меньше, чем звонка подполковника Земцова.

И она не выдержала, сдалась.

– Аллю, Руфаша? Это я...

– Малыш, знаешь, мне некогда сейчас, – сухо отозвался Руфат. – Перезвони попозже. А еще лучше завтра. Все, привет.

И бросил трубку. Ничего себе! Это кто еще должен трубки бросать? Наглец...

Всю дорогу до дома Ирина вслух возмущалась поведением бойфренда и пришла к выводу, что, наверное, так даже лучше будет. У него просто кончилось терпение, вот и вся любовь. Проблема разрешилась сама собой. Она не знала, как уйти, так пусть сам уходит, пусть катится куда подальше. Унижаться она не будет... Все кончено... В том случае, конечно, если он в ближайшие дни не извинится.

А подполковник Земцов оказался человеком слова, позвонил в начале двенадцатого, когда Ирина уже дремала.

– Не разбудил? – первым делом осведомился начальник отделения.

– Нет, что вы! Выяснилось что-нибудь?

– Еще как выяснилось. Вы как в воду глядели. Со слов соседей, ваша баба Зина уехала в деревню. Продала квартиру и уехала.

– А куда? В какую деревню?

– Ну-у-у, Ирина Алексеевна, это уже отдельный вопрос. Да и так ли это важно? Главное, что вы теперь переживать не будете.

– Спасибо вам, Юрий Владимирович, – проникновенно сказала Ирина. – Спасибо вам огромное...

– Да будет!.. – хохотнул подполковник. – Нынешнего хозяина квартиры сейчас в Москве нет, а как появится, я его порасспрашиваю. Может, он в курсе.

– Спасибо еще раз.

– Ну и бабуля у вас, бывает же такое...

– Выходит, бывает.

– А квартирку-то потеряли... А, Ирина Алексеевна?

– И черт с ней... Не думала об этом и думать не хочу...

Земцов обещал связаться с ней, как только появится какая-то информация о местонахождении бабули-путешественницы. На том и попрощались.

Ирина сидела на кровати, закусив губу. Было как-то обидно, горько. Да, неприязнь к сестре невольно перекинулась и на двоюродную внучку. Но есть же какой-то предел... Можно же было предупредить... Впрочем, это в стиле бабы Зины. Зачем предупреждать? Кто ей Ирина такая? Никто.

Глава 11

БРАТСТВО

После публичного наказания порез на груди Сынка зажил довольно быстро. Впрочем, у Сынка был высокий порог боли, он и не такое стерпел бы, не поморщился.

А жизнь в монастыре представлялась чем-то занимательным и полным романтики и все еще не разгаданных загадок. Помимо вновь прибывших здесь было еще человек триста таких же убогих и покалеченных. Но те, кто со «стажем», новичков сторонились. На Сынка тоже смотрели как на новичка, а стало быть, существо низкое в социальном смысле. Кроме того, после показательного наказания Сынок на какое-то время выпал из поля внимания начальства, его не назначили ни в какую группу, и он, чужой и всеми избегаемый, просто болтался без дела. Но постепенно простодушная мордаха Сынка, его обаятельная желтозубая улыбка, готовность поделиться табаком сыграли свою роль, и у него появился свой круг общения. Паши и Саши он теперь сторонился сам.

Проще всего ему было завоевать женские сердца. Начало вхождения в коллектив было положено в швейной мастерской, где он познакомился с Цыпой и Пипеткой – двумя уже не молодыми, но все еще цветущими особами, великими мастерицами в швейном деле и певуньями. Блуждая по монастырю, Сынок прослышал нежное пение на два голоса. Привлеченный звуками русской песни – кажется, «В низенькой светелке», – он просунул нос в дверную щель и попытался втиснуть и глаз, но пение вдруг прекратилось, а дверь была прихлопнута ударом ноги вместе с носом Сынка. Сынок проронил словцо, по смыслу подобное междометию «ай!», но более сочное, после чего дверь растворилась, и пышное женское тело со всклокоченными волосами проревело в звонких и витиеватых, под стать Сынковым, выражениях вопрос, зачем, собственно, он нарушает покой скромных тружениц иглы и нитки. Сынок, нос которого подвергся значительному ущербу, простонал, что можно быть и поделикатнее. Яростная дама, исполнявшая партию меццо-сопрано в песне, схватила Сынка за сухое, жилистое плечо и втянула в комнату. При свете она осмотрела потерпевший нос и утешила с оптимистическим смешком, что до свадьбы, как видится, заживет.

– Пипетка, – представилась она, протягивая красную ручищу, – но лучше Лиза.

– Садись сюда, на тряпки, – призвала его другая дама, – нам чем грязнее, тем лучше. Фу, воняет от тебя...

Несмотря на внешне немиролюбивый разговор, обе женщины оказались вполне приветливы. Пипетка была родом из Орла, ее подруга Цыпа (свое подлинное имя она, по понятным ей одной соображениям, назвать отказалась) происходила откуда-то из-под Новосибирска. Но доверяться автобиографическим сведениям, полученным от девушек, было опрометчиво. Впоследствии Сынок слышал, как Пипетку окликали Люсей или Маней, а сибирячка Цыпа бегло щебетала с кем-то по-украински.

Обе особы скоро привыкли к обществу Сынка. Нисколько не стесняясь, они развлекали себя тем, что заставляли его вдевать нитку в иголку. Они потешались уморительными рожами, которые строил Сынок, зажав губами иглу и скосив глаза, чтобы одной рукой вдеть нитку. Наглядевшись до слез на его старания, Пипетка забирала иглу, ловко вдевала нитку, видимо довольная своим мастерством, и принималась за работу. Труд Цыпы и Пипетки состоял преимущественно в изготовлении драматического костюма для нищенствующих оборванцев. Бывали дни, когда девушки занимались исключительно младенцами. Деревянный чурбачок обшивался грязными пеленками, поверх которых навязывался какой-нибудь трогательный бант, выдающий нежное отношение к чурбачку его сценической матери. Иные псевдодети получались до того правдоподобными, что Пипетка прижимала их к могучей груди и прини-

малась ворковать: «Ты моя доця, ты моя красавица, лялечка моя», – и, бывало, так входила в образ, что даже пускала слезу.

В иных случаях случались авралы – тогда Сынка гнали взащей, чтобы не отвлекал. Это бывало тогда, когда швеям предстояло скорняжничать. Однажды на полу вместо лохмотьев оказалось поболее дюжины роскошных шуб разного меха. Тут были и соболя, и норка, и крот. Девицы заперлись в рабочем уединении и, кажется, даже не пели. Повидав своих подруг – совершенно изнуренных работой – на четвертый день, Сынок приметил на месте дюжины шуб кучу шапок и воротников, в которых даже самое бдительное и придирчивое око никак не смогло бы определить родства с упомянутыми шубами. Такие авралы девушки не любили, Цыпа с пафосом напоминала Сынку, что она не «рачиха», а профессиональная швея какого-то (высокого) разряда. Зато несказанно счастливы бывали девушки, когда им приходилось обшивать воспитанников Зорро.

Зорро был совсем еще молоденький мальчик. Ему было двадцать два года. Но с виду ему никак нельзя было дать больше семнадцати. Он происходил из города Ярославля и имел, быть может, самую интересную для рассказов судьбу. В целом судьбы всех обитателей братства были драматичны и однообразны. То и дело кто-нибудь, разведя чувства чифирем, порывался повествовать Сынку многосложные перипетии своей биографии, но Сынок, поначалу слушавший внимательно, скоро начинал клевать носом и при удобном предлоге исчезал. Слушать рассказы Зорро было одно наслаждение. Дело в том, что последние годы Зорро провел за границей. Об этом Сынок узнал из странного разговора, состоявшегося между ним и юношей. Тот спросил, нет ли случаев у Сынка какого-нибудь чтива, и, выяснив, что нет, со вздохом сообщил, что трижды читал «Мертвые души» и больше ничего. Выяснилось, что «Мертвые души» были прочтены в Базеле, в тюрьме, попадать в которую Зорро категорически не рекомендовал.

– Будешь в Швейцарии, – доверительно сообщал он внемлющему Сынку, – сдавайся только в немецких кантонах.

Сынок кивал с думающим лицом, словно знал, что такое кантон.

– Из итальянских тебя тут же вышлют, во французских тюрьмы дикие, голод один. А у немцев – благодать. Захотят тебя выслать – требуешь адвоката. Тот три месяца парится – ничего сделать не может. Тогда требуешь другого – тот еще три месяца. Потом подаешь апелляцию. И так почти год. А за год, может, и сбежишь. Там – пожалуйста! – гуляй не хочу, только к вечерней поверке приходи.

Зорро угощался Сынковыми папиросами и, мечтательно запрокинув голову, произносил: – Но какая тюрьма в Берне – Александрплац, дом три! Вот это мечта...

И Зорро живописал истинный рай, полный йогуртов, тренажеров, телевизоров, фруктов – всего того, что поражает сознание среднего статистического россиянина в Европе, не говоря уж об одноруких оборванцах.

Зорро жил нелегалом в странах Запада, побывал в Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Франции, Швейцарии. Он пустился в эти увлекательные путешествия с тремя друзьями. Одного из них закололи в Турции на дискотеке из-за бабы спицами, другой служил в войсках французского легиона, а третий женился на казашке, выдавшей себя за немку, и стал полноправным гражданином объединенной Германии. Жизнь Зорро, несмотря на все ее тяготы, была исключительно забавна, и ему действительно удалось бы открыть маленький магазинчик ворованных вещей в Ярославле, если бы не злодейка судьба. На дорогах странствий Зорро повстречался с художником-белорусом, расписывавшим в европейских домах сортиры под колодцы. Полы он превращал в воду, стены в сруб, а над головой рисовал клочок неба и ведерко. Вместе, сдружившись, они попали в лагерь беженцев под Люцерном, оказавшись в одном пластиковом домике на две койки. Тут выяснилось, что приятель Зорро педераст, и Зорро, изнуренный неожиданными и докучными приставаниями, не выспавшись три, а то и четыре ночи, опасаясь за свое целомудрие, напился и зарезал художника бритвой. Ему при-

шлось уйти в бега, с трудностями вернуться в Россию через Польшу и скитаться по Руси, пока не оказался в монастыре. Зорро искренне раскаивался в своем поступке, потому что для него закрылась блестящая карьера магазинного вора в Европе, потому что расстроилась его помолвка с одноклассницей Лерой и потому что зарезанный художник был, в общем-то, неплохим парнем, если не говорить о его болезненных наклонностях. Эти причины и в этой именно последовательности заставляли Зорро страдать и впадать временами в состояние черной меланхолии. Однако чаще его можно было видеть довольным и вполне оптимистически настроенным. Надо было признать, что Зорро был изумительным тренером. Он фабриковал из нищей молодежи виртуозов по похищениям магазинного типа. Кличка Зорро была не очень оригинальна. Так назывался метод кражи обуви из фирменных магазинов. В пройме рубахи устраивался карман, куда можно было положить пару превосходной обуви. Поверх через плечо накидывалась куртка в манере героя знаменитого кино, и Зорро – всегда модно и богато одетый, свежий, как персонаж рекламы, выходил из «Бритиш хауса» или «Карштадта» неизменно с уловом.

Также Зорро принадлежал метод похищения шмоток с электронной защитой. Из двух рулонов фольги сворачивался двенадцатислойный контейнер, проклеивался скотчем и вставлялся в полиэтиленовый кулек. Сквозь двенадцать слоев алюминия робкие сигналы электронной защиты не достигали датчиков, и Зорро за день мог бы обеспечить прилавки маленького подпольного магазина. В его талантах числилось – надуривать камеры контроля, обнаруживать с гениальной интуицией микросхемы датчиков на одежде, обменивать китайские часы на швейцарские и прочая. К сожалению, простая и открытая физиономия Зорро скоро примелькалась в фирменных магазинах столицы, и молодому человеку пришлось уйти на тренерскую работу. Под командованием Зорро действовала небольшая шайка хорошо одетых, умытых и приятно пахнущих мальчиков, которые, накинув куртки на плечо, запихивали в отделе кошачьей еды ботинки и туфли в пришитый Пипеткой карман под рубашкой. Сам Зорро тосковал без работы, жаловался, что у него, как у хирурга, застаиваются пальцы, и не упускал возможности что-нибудь стащить, где бы ни находился. Пипетка и Цыпа всегда контролировали его поведение и беззастенчиво выворачивали его карманы всякий раз, когда его рассказы и визит подходили к концу. Обыкновенно их поиски увенчивались успехом, и лишь тогда молодого человека со смехом отпускали. Если же ему все же удавалось что-то вынести, то вернуть назад это уже не было никакой возможности. Зорро клялся всеми святыми, что он никогда не позарится на достояние своих подруг, готов был порвать на себе новенькую рубашку, и даже самый проницательный психолог не смог бы заподозрить в его словах гнусной лжи. Тренажерной комнатой Зорро как раз и был тот самый зал с манекенами. Он имитировал универмаг, манекены – покупателей, а группе, которую тренировал Зорро, надо было обчистить весь магазин, не зацепив ни одного звоночка, которые Зорро остроумно и скрытно развешивал в самых неожиданных местах.

История возникновения братства была хрестоматийна. Все знали, с чего началось братство, но никто не ведал, кто стоит у его истоков, а также кто руководит его деятельностью ныне. Существовала древняя легенда об американских гуманитариях, которые во имя борьбы с растущей человеческой черствостью открыли во время оно маленький магазинчик, в котором убогие из убогих имели возможность приобрести самые дешевые и качественные вещи.

Сначала этот магазин занимался даже продажей подержанных музыкальных инструментов. Верные себе американцы хотели даже нищему вручить удочку, чтоб сам ловил рыбку.

Всем известно, что люди пользуются музыкальными инструментами для того, чтобы тронуть сердца. Чем состоятельней человек, тем труднее ему растрогаться. Он готов заплатить любую цену за билет на концерт, который сулит ему долгожданное душевное волнение. Но у менее состоятельного человека всегда найдется лишний грош, который он охотно истратит,

чтобы расшевелить свое очерствевшее в борьбе за существование сердце той или иной незатейливой мелодией.

Есть вещи (очень, правда, немногие), которые еще могут потрясти современного человека, но скверно то, что при повторном применении они перестают действовать, ибо человек обладает страшной способностью становиться по собственному желанию бесчувственным, стоит только ему обнаружить вредные для себя последствия своей чувствительности. Так, например, человек, увидев на углу другого человека с культяпкой вместо руки, в первый раз готов с перепугу отвалить ему десятку, в следующий раз он пожертвует рубль, а в третий может и пересдать его с рук на руки милиции.

Американцы победить бездушие не смогли, тем более что на них стали элементарно наезжать рэкетеры. Магазинчик на какое-то время закрылся.

Но затем явилось братство.

Братство начало с малого. В течение некоторого времени оно поддерживало своими советами нескольких нищих – одноруких, слепых, очень жалких на вид. Братство выискивало для них рабочие места, где подают, так как подают не всюду и не во всякое время. Так, например, оказалось, что играть на музыкальных инструментах в подземных переходах менее выгодно, чем играть для парочек на садовых скамейках.

Нищие, поверившие братству, вскоре стали лучше зарабатывать. Они с готовностью согласились отчислять за советы некоторый процент со своих доходов.

И братство стало расти. Вскоре из тех же благотворительных побуждений ему был передан заброшенный монастырь.

Теперь дело было поставлено на широкую ногу.

Работа велась в нескольких направлениях.

Скажем, сравнительно скоро стало очевидно, что убогая внешность естественного происхождения производит гораздо меньше впечатления, чем внешность, созданная двумя-тремя умелыми штрихами. Так в братстве появился костюмерный цех.

Или, например – однорукий не всегда обладает способностью вызвать жалость своим убожеством. С другой стороны, более одаренным зачастую недостает культяпки. Тут требуется вмешательство. Братство сфабриковало несколько искусственных увечий, как, например, раздавленные конечности, иначе говоря, руки и ноги, явно пострадавшие от несчастного случая. Это новшество имело оглушительный успех. Этим занимались в хорошо оборудованном хирургическом кабинете.

Так Зорро подумывал, не лишиться ли ему ноги, чтобы уйти с тренерской работы в «большой спорт».

В специальных помещениях монастыря, к тому времени значительно расширившегося, нищие, все больше превращавшиеся в профессионалов, после всесторонней проверки их способностей обучались неподдельному дрожанию, повадкам слепцов, припадкам эпилепсии и тому подобному. Этим занимались в помещениях, которые скорее напоминали учебные залы театральных училищ. Сынку удалось подглядеть даже несколько таких репетиций. Там, скажем, строгая женщина с красивым породистым лицом учила группку убогих рыдать настоящими слезами, не забывая при этом иногда категорично повторять:

– Не верю!

Были выработаны основные типы человеческого убожества: жертва прогресса – травма на производстве, железнодорожная травма, жертва пожара, жертва войны – ну, тут диапазон широчайший, жертва экологии – самые страшные болезни века, язвы, гной, смрад...

В братстве учились трогать сердца, наводить на размышления, быть назойливыми. После нескольких лет неустанных трудов братство превратилось в цветущее предприятие. Люди, приходившие в братство, очень скоро получали работу, а кое-кто увечья, язвы, уродства, медали и знаки отличия, справки о кончине всех близких родственников, «деревянных» и настоящих

детей, навыки выклянчивания, обжуливания, втирания в доверие, уроки речи, движения, психологии. А самое главное – будущая работа была теперь под охраной самого братства.

Примечательно, что братство было еще и университетом. Например, старенький Изя, по мнению одних – педофил, по мнению других – взяточник, но так или иначе теперь член братства, преподавал право, которое знал прекрасно и умел преподнести так, чтобы от этой науки вышел прикладной толк. Строгая женщина с красивым породистым лицом оказалась в прошлом актрисой. С ней Сынок тоже познакомился, хотя и не сошелся близко. Звали ее – баба Люся. В стародавние времена она окончила Воронежское театральное училище и, можно было предполагать, некоторое время действительно была актрисой. Но потом каким-то туманным образом она стала совмещать актерство со спекуляциями, затем с торговлей краденым, потом метнулась в наркобизнес – одним словом, запуталась в тенетах жизни, как многие на этой земле. В конечном итоге, связавшись с аморальными типами, она лишилась капитала, квартиры и доброго имени, запила, осела сначала сторожихой, потом уборщицей в туалете, а потом за пьянство и прогулы оказалась выброшенной на улицу. Но она так драматично рассказывала о своей печальной (косвенно связанной с реальностью) судьбе, так проникновенно вымаливала деньги на хлебушек по электричкам, так честно и сурово смотрела в глаза сытым горожанам, что ее таланты не оказались незамеченными. Бабе Люсе поручили тренерскую работу в монастыре. Честолюбивые амбиции бабы Люси были полностью удовлетворены. Она стала популярной, с ней заискивали, ее благосклонностью гордились. Она потребовала себе репетиционный зал и неограниченную возможность курить «Беломор» и выпивать, когда ей только рассудится за благо. Надо признать, что, как только она оказалась социально востребованной, она стала меньше пить, все свое время отдавая репетициям. Изя писал тексты для липовых беженцев и несчастных якобы афганцев, а Люся расцвечивала их красками своего дарования. Из уст ее воспитанников нельзя было услышать приевшееся всем «Помогите, люди добрые, сами мы не местные». Люся обладала вкусом к драме. Ее питомцами были несчастные, добродетельные матери, путавшиеся в словах, с жалким, затравленным взглядом, суровые, косноязыкие воины с краской стыда в лице. При взгляде на Люсиных студентов можно было предположить, что это обиженные системой добрые люди, которые, не будь они связаны высокими нравственными обязательствами со своими детьми или матерями, легче бы наложили на себя руки, чем подвергли свою честь подобным унижениям. Своим шедевром Люся считала Федьку-дурня. Федька был тихий, угрюмый человек средних лет. Стараниями Люси он превратился в юродивого, почти пророка. Он ходил по поездкам, выкрикивая весьма правдоподобные предсказания конца всего сущего, а потом выбирал наиболее сострадательную даму с религиозным оттенком в лице и признавался ей: «Я Христос. Полюбите такого?» Многие из тех, кто читал Святое писание, пугались и подавали немалые суммы. Одна дама, близкая к патриаршим кругам, даже хотела рекомендовать его в Свято-Данилов монастырь.

Некоторые талантливые ученики оставались даже после прохождения курсов в монастыре, но затем, возгордясь, исчезали бесследно. Точно так недели две спустя таинственно исчез Зорро, и примечательно, что ни Пипетка, ни Цыпа словом не обмолвились об этом.

Сынок повстречал бабу Люсю в репетиционном зале. Величественная старуха сидела в засаленной кофте на табурете за столом, перед ней ворохом были навалены какие-то тряпки, коробки, спички, лежала отдельно пачка «Беломора» и внизу, у ножки стола, стояла бутылка «Столичной» с газетной затычкой. На сцене, то есть напротив бабки, рассредоточились с полдюжины человек разных возрастов, преимущественно мужчин. «Сатин! – хрипела старуха. – Где Сатин?!» Никто не знал, куда девался Сатин, чем вызвали дополнительный гнев режиссера. Сынок в недоумении стоял, поводя глазами с одного актера на другого, затем тихо прокрался и сел на пол, скрестив ноги.

– Не верю! – привычно восклицала старая актриса, гневно постукивая варикозной ногой. – Не верю! Это дерьмо, вам гроша не подадут за такое дерьмо! Вы сгниете на периферии с такой игрой!

Над Люсей посмеивались, потому что в последний год она увлеклась непосредственно театром. Администрация, памятуя Люсины заслуги перед братством, ей не мешала. Люся находила целесообразным изучать высокую классику и требовала, чтобы способные тунеядцы учили текст пьесы – в данном случае Максима Горького. Это было совершеннейшее чудачество, самодурство чистой воды. Явно в ближайшее время Люсе было суждено получить по морщинистой шее за нелепое провождение времени.

Заметив в зале Сынка, Люся развернулась и, невзирая на то что палец ее был заложен на странице шедевра мировой литературы, полила незадачливого зрителя отборным, селекционным матом.

– Почему посторонние в зале?!

В остальном же братство все еще оставалось загадкой для Сынка. Некоторые простейшие механизмы функционирования этого сложного организма оказались довольно понятны. Например, ему рассказали, как откликнулось братство на войну в Чечне. Как только славная русская армия одерживала победы над злыми чеченцами, на улицах появлялись изможденные ветераны в форме – нынешней или времен Афгана. Если же, напротив, наша армия терпела поражение, на улицы высыпали юные безусые солдатики в новенькой форме. В первом случае людские сердца открывались для жалости от сознания того, какова цена победы, во втором – от бессмысленности народной жертвы. Нищенская кампания, связанная с Чечней, принесла братству немалые выгоды.

Но многое оказывалось совершенно загадочным. Например, таинственная лаборатория, размещавшаяся в подвальном помещении главного здания. Ночами можно было видеть в редкие щели, что в лаборатории полыхает открытый огонь, как в адской кузнице, а от двери по всей территории разносился кислый запах химикалий. Два раза в неделю к мастерам из лаборатории приезжал цыган и всякий раз уходил с пустыми, как казалось, руками.

Пипетка, когда Сынок попытался заговорить с ней на эту тему, рассказала, взяв с него страшную клятву, что ночами на подвальном этаже можно застать привидения – там убивают деток, а потом умерщвленные младенцы ходят, стонут и проливают над своей рано оборвавшейся жизнью призрачные слезы. Пипетка была готова присягнуть, что и сама видела пару привидений.

Удивительно было также впечатляющее количество уродов. Если у взрослых нищих увечья были преимущественно искусственно смоделированы, то дети бывали изувечены действительно и особенно страшно. Казалось, судьба не касалась только очень красивых и одухотворенных детей – те были достаточно прибыльны и без уродства.

Так тянулись дни Сынка в братстве, то незначительно приоткрывая завесу над тайной, то озадачиваясь новыми загадками. Прочие обитатели братства, кажется, не особенно интересовались обществом, в котором они жили, – быт и нравы корпорации их интересовали узко в своем кругу. Цыпу и Пипетку волновали тряпки, бабу Люсю – театр, Зорро – авантюры. И только Сынок, любопытный проныра, поставил себе целью вынюхать и разузнать тайную жизнь братства. Он догадывался, что если будет слишком усерден, то одним порезом груди на сей раз не обойдется. Но уж больно хотелось. Особенно его интересовал inferнальный подвал и запертый на все замки пустой сарай, в который он так и не смог больше заглянуть.

Но тут-то спокойная жизнь Сынка и закончилась.

Как-то на утренней поверке, когда всех опять распределяли по группам, один из надзирателей, которых здесь именовали по-лагерному «буграми», по имени Исмаил, вдруг ткнул палкой в Сынка и спросил:

– А ты в какой группе? Афганец?

- Ни в какой, – сказал Сынок правду.
 - Теперь ты в строительной, – осклабился Исмаил.
 - Я строить не умею, – признался Сынок.
 - Научим.
- С этого дня Сынок тоже трудился – он таскал мешки с цементом с утра до вечера.

Глава 12

СЕКСУАЛЬНОЕ ДОМОГАТЕЛЬСТВО

Вставать в такую рань Ирина все никак не могла привыкнуть. Не открывая глаз, нажимала на кнопку будильника и, сказав самой себе – еще пять минуточек, – засыпала на полчаса. Когда спохватывалась, оказывалось, что еле успеет принять душ и слегка накраситься. Запланированные с вечера (и уже очень давно) благонамеренные желания сделать зарядку, красиво и полезно позавтракать, почитать утреннюю газету и сделать наконец настоящую неспешную укладку, перекладывались в очередной раз на завтрашнее утро.

Как-то попался ей на глаза такой хитрый будильник, который с закрытыми глазами не остановишь. Какие-то там кнопочки, защелки надо было набрать, чтобы противный писк прекратился. Ирина его моментально купила, с вечера завела, ожидая результата. А утром, когда хитрый будильник зазвонил, по привычке попыталась нажать, во сне вспомнила, что нажать просто не получится, надо будет открывать глаза, тут же приняла кардинальное решение – вслепую открыла будильник и выдернула батарейку, кляня себя на чем свет стоит и обещая себе в который уже раз – вот завтра обязательно...

Но завтра она так и не смогла найти изъятую батарейку. А купить новую все было недосуг. Поэтому Ирина по-прежнему уютно общалась со старым податливым будильником.

В этот раз, из-за погоды, что ли, она проснулась не через полчаса, а через сорок минут. Это значило, что из утренних дел надо было вычеркнуть душ или боевую раскраску.

Ирина безжалостно вычеркнула раскраску, решив, что может набросать грим на лицо и по дороге.

Но торопиться надо было быстрее, чем обычно. Еще, как назло, вода нужной температуры все не хотела течь, а полотенце оказалось не свежим, пришлось бежать за чистым, а потом снова лезть в душ.

Когда вылетала из квартиры, времени оставалось в обрез, и Ирина уже решала, стоит ли ей нарушать правила уличного движения, чтобы вовремя добраться до работы, или не рисковать. Но не рисковать она не могла – обстановка на фирме складывалась в последнее время для Ирины как-то неблагоприятно. Начальник мог придаться к любой мелочи.

Она нажала на кнопки обоих лифтов, одновременно выдергивая из сумки губную помаду и зеркальце. В темноте кабинки ей придется проделать ювелирную операцию по приданию губам веселого, слегка сексуального, но больше делового контура.

Что-то она могла начать и сейчас, но двери лифта распахнулись, и Ирина не успела начать свое художественное творчество.

Еще мелькнула мысль – слишком в кабинке темно, – но совсем мимолетно, и она шагнула... в пустоту.

Как она успела ухватиться руками за металлический косяк, она и сама не поняла. Тяжесть тела уже была перенесена внутрь, туда, где должна была стоять кабина лифта. Но кабины не было.

Ирина какую-то секунду балансировала над пропастью, по инерции устремляясь вперед, а руками, вцепившимися в косяк, таща себя назад. Патрончик губной помады выскользнул из руки и довольно долго летел по черной шахте. Когда ударился вниз, Ирина отшатнулась. Даже испугаться не успела. Только чертыхнулась досадливо и помчалась на лестницу.

И только здесь, когда уже была на третьем этаже, ноги вдруг запоздало задрожали мелкой дрожью, а к горлу подступил комок страха, и Ирине стало так себя безмерно жаль, что она чуть не заплакала.

«Ну, сволочи, ну, вы дождетесь! – мысленно выругалась она. – Я на вас в суд подам! За что вам только деньги платят?!»

Судиться с РЭУ, конечно, Ирина не стала бы, но нервы халтурщикам решила попортить основательно – шутка ли, она чуть не свалилась с восьмого этажа. Это же – Ирине снова стало жутко, – смерть верная.

Как добралась до работы, загадка. Все было в тумане. Нарушала она правила или ехала примерно – Ирина не помнила. Но, когда вбегала в контору, на часах было пять минут девятого.

Эти пять минут могли ей дорого стоить, но Ирина даже не подумала об этом, даже не подлизнулась к стукачке-ресепшенистке. Она все никак не могла отойти от ужаса.

Сначала забежала к Машке Ободовской и, вызвав в коридор, извиняясь и виновато улыбаясь, попросила губную помаду. Они пользовались одним цветом и одной маркой. Пока она тщательно выводила нужный контур, Маша молчала, осознавая ответственность момента. Но когда Ирина отодвинулась от зеркала, чтобы оценить проделанную работу, подруга спросила:

– Что с тобой?

– Потом расскажу, – отмахнулась Ирина, у которой настроение от покрашенных губ чуть-чуть улучшилось, и помчалась в свой отдел.

Там сразу же бросилась к телефону и набрала номер РЭУ.

– Вы что там все, с ума сошли?! – закричала она, как только трубку подняли. – Я чуть не упала! Вы под суд захотели?! Так я вам это живо устрою!

Когда ей высказали свое недоумение, она напустилась еще сильнее, пригрозив вообще заказать бандитам разобраться с долбаным РЭУ раз и навсегда.

– Да что случилось-то?

– А то, что лифт не работает!

– Какой дом? Какой подъезд?

Ирина назвала.

– Только что оттуда мастер вернулся, – доложили ей, – все в порядке. Не волнуйтесь.

– Да?! Не волнуйтесь?! А если бы я свалилась?! Восьмой этаж – вы соображаете?

– Гражданочка, правила пользования лифтами читаете? Там написано черным по белому – не открывайте дверь, пока не убедитесь, что кабина перед вами.

– Да дверь сама открывается!

– Значит, не входите, пока не убедитесь.

Да, Ирина читала эти правила. Но никогда не думала, что их знание пригодится именно ей.

Она с досадой бросила трубку и увидела, что рядом собрались сослуживцы, с интересом прислушивающиеся к ее разговору.

– Представляете? Дверь открывается, а лифта нет!

– С ума сойти!

– Я чуть костями не загремела.

– С ума сойти!

– А они говорят – надо было смотреть.

– Сойти с ума!

Зазвонил телефон, и Ирина, не обратив внимания, что это внутренний звонок, сдернула трубку и крикнула:

– Ну что еще?!

– Ирина Алексеевна, – пропищал голос секретарши начальника, – зайдите к Владимиру Дмитриевичу.

Ирина чуть было не сказала – к какому Владимиру Дмитриевичу? Но вовремя вспомнила, что это как раз ее начальник.

– Иду, – коротко бросила в трубку и помчалась в туалет.

Здесь она прильнула к зеркалу и тщательно стерла с губ помаду.

– Заходи, заходи, – начальник весело манил ее рукой. – Присаживайся.

Ирина присела в глубокое кожаное кресло и вынула блокнот – вся внимание и старание.

– Пять минут, – сказал начальник. – Сегодня это уже восьмой раз. Если сложить все вместе, получается – сорок минут. За это время в цивилизованных странах заключаются миллиардные контракты. И сколько мы по твоей милости потеряли?

– Чертову прорву денег, – виновато улыбнулась Ирина. Вообще контракты их контора заключала нечасто, длилось это месяцами и, конечно, ни о каких миллиардах речь не шла. А последний контракт с сибиряками как раз и был полной заслугой Ирины.

«Ну пусть поначальствует, – думала Ирина, – такая у него работа. Лишь бы не приставал».

– Ну что мне с тобой делать?

– Простить, – весело подсказала Ирина, – тем более что по моей милости наша фирма еще ни копейки не потеряла. А, как бы это помягче выразиться, наоборот, поимела неплохой контракт.

– Кстати, о контракте, там сейчас наши юристы просматривают – какие-то ошибки нашли.

– Какие ошибки? – насторожилась Ирина.

– Я пока не в курсе, – ушел от ответа начальник, но Ирина поняла – просто блефует. Никаких ошибок в контракте нет. Его готовили как раз юристы фирмы, да так тщательно, что чуть не сорвали все сроки.

– Ну, если будут ошибки, мы контракт перезаклучим. Это условие там тоже есть, – козырнула Ирина. – А по поводу опозданий – у меня сегодня уважительная причина. Я чуть не упала в шахту лифта.

– Как это?! – опешил начальник.

– А вот так – дверь открылась, а лифта нет.

– С ума сойти!

– Да-да...

– Ну и фантазия у тебя, – сказал начальник. – Прошлый раз тебя задержал гаишник. Позапрошлый – отключили воду. Понимаешь, Пастухова, это никого не волнует. На работу надо приходиться вовремя.

– Это чудно – к восьми! Когда никого нигде еще нет! Мы до десяти сидим, бумажки перекладываем, потому что нигде телефоны не отвечают. Зато вы можете со мной по полчаса выяснять, почему я опоздала...

– В Штатах начинают работу в семь.

– Там все так начинают. А у нас только мы. Может быть, нам работать по американскому времени. Это сколько, восемь часов, кажется, разницы. Вот как раз с четырех и начнем...

Переговорить Ирина могла кого угодно. А туповатого начальника, бывшего комсомольского босса, который с трудом одолел Устав ВЛКСМ, почерпнув оттуда только знания об ордене комсомола, – раз плюнуть.

– Все сказала?

– Все. Могу идти? Теряю драгоценное рабочее время. – Ирина приподнялась.

– Я тебя пока не отпускал, – сказал начальник.

«Ну, начинается, – чуть не скривилась Ирина. – В следующий раз придется не только губы стирать, но и морду сажей мазать».

– Ты садись, садись, – уже мягче предложил начальник. – Спорить я с тобой не собираюсь. В самом деле – ты мне симпатична. Но начальство! – он поднял палец вверх, как делал это, наверное, и при коммуниках, когда пугал кого-нибудь и хотел, чтобы это звучало весомее. – Словом, есть мнение, что ты не справляешься со своей работой.

«Оп-па! – внутренне ахнула Ирина. – Так далеко зашло?»

– Да-да, – почувствовал ее испуг начальник. – Я пытался тебя защищать, но там, – снова палец вверх, – считают, что к тебе надо хорошенько приглядеться.

– Трех лет не хватило?

– Ну чего ты все ерепенишься? – Начальник прошел к стенному шкафу и открыл его.

«Начинается! – вздохнула Ирина. – Как же надоед!»

– Вот что у тебя за характер такой? – по-отечески начал он. – Ты ж понимаешь, не глупая, что в нашей стране большое значение имеют личные отношения. Огромное значение имеют. Там улыбнулся, там поздоровался, там спросил про детей, про жену, про здоровье, нет, не подхалимски, а по-человечески, с заботой о ближнем...

«Вот так они посты и занимали, – подумала Ирина. – Там подмажешь, тут подлижешь...»

– Давай лучше выпьем и подумаем, как тебе на месте удержаться.

Он разлил коньяк по бокалам и поднял свой, словно собирался произнести тост. Но не произнес, только потянулся чокаться. Ирина скрепила свое сердце железными скобами. Да что, действительно, она совсем дура? Ну выпьет она с этим ублюдком, ну полюбезничает – не разломится. А работу терять жаль, не только потому, что денежная, но просто нравится.

– За вас, Владимир Дмитриевич, – выдавила лучезарную улыбку Ирина и чокнулась с начальником.

Тот выпил как-то слишком поспешно. Резко поставил бокал. Загадочно, как ему казалось, а на самом деле – фатовски улыбнулся и сказал:

– Так что решай.

Ирина ожидала всего – долгих подходов, намеков, даже сальностей, но чтоб вот так, в лоб, так цинично...

– Что, простите, Владимир Дмитриевич?

– Останешься ты со мной на «вы» или на «ты», – выдавил-таки из себя сальность начальник.

– Вы про брудершафт? – косила под дурочку Ирина. – С удовольствием...

– Хе-хе... Нам и брудершафт не понадобится.

И начальник решительно шагнул к Ирине.

Она не успела встать и оказалась в дурацком положении – она нависал над ней, сжимая своими медвежьими руками ее голову и все норовил вклепать слюнявый поцелуй, а Ирина даже не могла гордо встать и уйти. Она только ниже и ниже опускалась в кресле, пытаясь выскользнуть из мужицких объятий.

– Владимир Дмитриевич, что вы делаете? – нутужно выговаривала она, ускользая от мокрых губ. – Зачем вы это делаете?

Когда-то сама смеялась над этим вопросом, отдающим пэтэушной тупостью, а вот, оказалось, пригодился.

– Ира, ты это зря, ты подумай хорошенько... – пыхтел и начальник. – Я много могу... Со мной считаются...

– А как ваша жена?

– Она ничего не узнает...

– А дети? А здоровье?

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Забота о ближнем.

– Не шути сейчас, – трагическим голосом вымолвил начальник и принялся за прежнее – искать поцелуя.

Наконец Ирина оказалась на коленях, но проскользнуть между ног начальника и уйти не получалось. Тот стоял плотно.

Впрочем, Владимир Дмитриевич ее позу воспринял по-своему. Он ослабил объятия и стал живо расстегивать ширинку.

На секунду Ирина потеряла дар речи.

Уже потом, остыв и обрета обычную ироничность, она пожалела, что не дала начальнику довести дело до конца. Ох, как бы он потом жалел! Ирина не побрезговала бы, она бы в прямом и переносном смысле показала бы ему свои зубки.

Но в тот момент она действовала чисто рефлекторно: изо всех сил оттолкнула начальника и бросилась к двери.

– Вы за это ответите! – закричала она на пороге. – Я вам такое устрою!

«Кажется, я сегодня это уже кому-то говорила, – мелькнуло в голове. – Что ж за день такой «веселый»?!»

Но начальник уже обрел прежнюю вальяжность и покой.

– Иди, – махнул он рукой из кресла. – Но помни, я тебе предлагал помощь.

Ирина хлопнула дверью так, что секретарша выронила на пол флакончик с лаком для ногтей.

«Так, первым делом найти Гордеева, – летела по коридору Ирина, – пусть скажет, что за непорядки в контракте? Вторым делом... А что вторым делом?»

Она так и не придумала страшной мести начальнику, потому что подлетела к комнате юристов.

Гордеев, слава Богу, был на месте.

– Юра, можно тебя на минутку! – позвала она.

Гордеев оторвался от компьютера и приветливо кивнул.

– Я тебя жду в кафе.

– Через минуту!

– Тебе что-нибудь заказать?

– В кафе пьют кофе.

Лучше бы они вообще ничего не заказывали – кофе был, что называется, бочковый.

Но Ирина заставила себя отхлебнуть несколько глотков, выкурить сигарету и только потом перейти к разговору.

– Юра, ты последний контракт смотрел?

– Это твой который?

– Да.

– Как ни странно, да.

– А почему – странно?

– Да я ведь контрактами не занимаюсь, ты же знаешь. Я по судебному ведомству. Вот если вы с кем-то судитесь, я контракты изучаю.

– А чего ж ты смотрел мой?

– Вот и странность – меня попросили. Вы что там, уже собираетесь тяжбу затеять?

– Да нет вроде. Хм... Интересно...

Сердце у Ирины неприятно заныло. Что за возня вокруг ее контракта?

– Так что ты хотела?

– Скажи, там есть какие-то неточности, неполадки, заковыки, крючки? Хоть что-нибудь?

– Как ни странно – идеальный контракт.

– Почему опять странно?

– А чего мне его изучать? Судиться не собираетесь, расторгать, надеюсь, тоже...

– М-да...

– Ну что, я тебя успокоил?

– Не так, чтоб уж очень... Нет, скорее еще больше «загрузил»... Понимаешь, это контракт мой... Я за него... Впрочем, ладно, не буду я тебя «загружать».

Гордеев положил свою руку на Ирину.

– В чем дело? – спросил тихо.

Ирина поняла, что спрашивает он не о контракте, он просто видит – чем-то она ужасно расстроена.

Конечно, Ирина знала, как ей казалось, об адвокатах все – продажная совесть, ярмарка тщеславия, грязный язык, – но единственный, пожалуй, человек во всей их конторе, да и то нештатный работник, которому она могла доверять, был, как ни странно, Юрий Гордеев, адвокат.

– Вот скажи, Юра, если начальник пытается меня... ну, не изнасиловать... Хотя, впрочем, почему не изнасиловать?! Именно изнасиловать, только не физически, а морально, то...

– Сексуальное домогательство? – подсказал обтекаемую формулу Гордеев.

– Да! Вот что я могу с ним сделать?

– Честно?

– Честно.

– Дать ему по титям-митям...

– И все?

– Ты спрашиваешь о судебном преследовании?

– Да, могу я его засудить?

– Теоретически – да. Есть в нашем законодательстве статья за эти безобразия. Но практически она ни разу не применялась. Если хочешь, можем создать прецедент. Приходи ко мне на Таганку, дом тридцать четыре, в консультацию и – приступим. Как?

– Хочу.

– А я не хочу. Мне тебя жаль.

– Ничего себе!

– Объясняю. У тебя есть доказательства? Процесс над Клинтоном помнишь? Одежда со следами его спермы, запись телефонных разговоров с угрозами, только произведенная не кустарным способом, а оперативными работниками, ими же сделанные пикантные фотографии, показания свидетелей, а лучше всего, так сказать, застукивание начальника на месте преступления.

– Это как?

– Это... Это, извини, в процессе. Да и то если ты будешь связана по рукам и ногам. Впрочем, даже этого может быть недостаточно.

– Понятно.

– Ирина, – снова положил свою руку на пальцы собеседницы Гордеев. – Я готов пойти с тобой до конца, хотя, как ты понимаешь, гонорар мой будет жидковатым. Но ты-то готова?

– Нет.

– Тогда то, что я предложил, и – уходи.

– Спасибо.

– Извини.

Как назло, машина долго не заводилась. Ирина чуть не посадила аккумулятор. А когда, наконец, мотор заработал и можно было ехать, Ирина вдруг вспомнила, что забыла позвонить Руфату. Господи, он же ее сегодня ждал! Еще что-то они там недоуяснили!

Решила было позвонить, но потом подумала, что все – к лучшему. Пора уже ставить все точки над всеми «и». Расстались так расстались.

Но какое-то время тронуться с места не могла. Сидела, перебирая в памяти все хорошее, что было у них с Руфатом, и все плохое, конечно. Получалось, что второго явный перевес. Значит, решила, так тому и быть.

И поэтому поехала сначала не домой, а в кино.

Вот так вдруг взяла и решила – в кино, как когда-то в студенчестве. Сидишь в темном зале, смотришь на чужую жизнь, и своя становится сноснее.

На этот раз не повезло. Показывали какую-то американскую тупость – летит на Землю астероид, а американцы его взрывают. Громко, пестро, натужно, грубо и – пусто.

Домой катила уже по ночной Москве. Глазела по сторонам на затихающую и криминализирующуюся жизнь, тихо наигрывало радио – ничего, жить можно.

Когда шла к своему дому, то вдруг увидела множество милицейских машин у собственного подъезда, несколько «скорых», суету людей в штатском, оцепление и даже собаку, обнюхивающую асфальт.

«Все-таки кто-то провалился в шахту лифта, – мелькнула мысль. – Хотя при чем тут собака?»

– Я тут живу, – сказала она остановившему ее милиционеру.

– Документы, пожалуйста.

Ирина показала прописку, милиционер ее пропустил, и тут она увидела лежащее на газоне тело девушки. Из-под головы вытекла бурая лужа крови. Посиневшие руки вцепились в кусок выдранного из земли дерна.

Ирина эту девушку знала. Она жила на одиннадцатом, кажется, училась. Кое-кто даже говорил, что они с Ириной похожи.

Как же ее звали? Наташа? Точно, вон ее мать. Ужас, что тут случилось?

– Что тут случилось? – спросила она кого-то.

– Застрелили, – ответили Ирине. – Говорят, профессионально.

– Как?! За что?!

– Да кто их знает?

Проходить мимо девушки было страшно. Над трупом склонились медэксперты, бесстыдно задирали одежду. Белый плащ, точно такой, как на Ирине, был измазан в крови и пыли. Ужас, что делает с человеком смерть! Каким уродливым становится тело.

Ирина шагнула ближе, и это было чисто женское любопытство. Дело в том, что свой плащ она купила в Женеве, во французском бутике. Стоил он уйму денег. Неужели и у студентки такой же плащ?

Но вблизи Ирина сразу поняла, что плащ убитой был сделан где-нибудь в Корее или в Турции, а значит, стоил недорого и куплен, скорее всего, был на вещевом рынке.

Это Ирину, как ни странно, успокоило. Она вообще не любила носить вещи, которые сделаны в миллионах экземпляров.

Глава 13

ИСПЫТАНИЕ

– Подъем, козлы вонючие! Выходи строиться на зарядку!

Этот крик, каждое утро будивший Сынка с еще полусотней людей, стал уже чем-то если не родным, то во всяком случае привычным. Люди вскакивали с коек и, мотая головами, чтобы стряхнуть цепкие остатки сна, выуживали из-под матрацев одежду и обувь, спрятанные туда, чтоб не сперли.

Сынок сегодня своей обуви под подушкой не обнаружил. Одежда была на месте, а башмаков и след простыл. Хороших башмаков, еще почти новых, не рваных.

Свистнули.

Натянув штаны и куртку, он огляделся по сторонам, вглядываясь в лица соседей. Но рожи эти были непроницаемы и глухи, как стена. Знают ведь, сволочи, точно знают. Хоть один да видел, чьих это рук дело. Но разве скажут? Можно, конечно, дать в лоб любому из них, отобрать его шкары, и он тогда точно скажет, чьих это рук дело. Даже если не знает, все равно разнюхает.

Но вся беда в том, что у Сынка был сорок шестой размер обуви. Больше в казарме такой лапы не было ни у кого, или почти ни у кого. Всего пару человек могли заинтересовать такие безразмерные башмаки.

– Выходи строиться, бараны колхозные! Бегом, твою мать! – орал отработанным командирским голосом бугор Степка. Сам он при этом сидел на стуле и листал газету. Особым шиком считалось – читать по утрам газеты, отдавая при этом команды. И не важно, что газета датирована началом прошлой недели и половина ее уже использована по второму прямому назначению. Важен сам факт – все быдло суетится, побежит сейчас махать руками, тереть свои рожи под холодной водой вонючим хозяйственным мылом, а ты тут сидишь у всех на виду и просматриваешь прессу.

Весь контингент потянулся к выходу, зябко поеживаясь и зевая до хруста за ушами. Когда вышел последний, Степка встал, аккуратно сложил драгоценную газету вчетверо и спрятал за пазуху, чтобы было что читать завтра. Он уже хотел выходить вслед за всеми, но вдруг заметил, что на нарах кто-то сидит. Вот прямо так нагло сидит и не собирается никуда торопиться. Бугор даже дар речи потерял на какое-то время.

– Эй, Сынок, а ты чего расселся? – поинтересовался он наконец. – Что, в танке?

– Обувь сперли, – спокойно ответил тот, не поднимаясь с кровати.

– А меня колышет? Бегом на зарядку!

Сынок вздохнул, поднялся с нар и нехотя пошлепал к выходу.

– Бегом, я сказал! – Бугор размахнулся и со всей силы пнул Сынка в зад.

Сынок остановился, вдруг повернулся и двинулся прямо на бугра. И только тут Степка сообразил, что они в казарме одни, что этот однорукий детина в полтора раза выше его ростом и что кричать и звать на помощь очень нежелательно – если бугор зовет на помощь простых смертных, то он уже больше не бугор.

– Эй, ты чего? – сам того не желая, Степка попятился от Сынка. – А ну бегом на зарядку, я сказал!

Сынок остановился. Положил руку бугру на плечо и спокойно сказал:

– Не делай больше так, ладно?

– Что? Да ты с кем разговариваешь, перхоть петушиная?! – Бугру никак нельзя было показывать страх перед этой гориллой.

– Не надо больше так делать, – повторил Сынок и, повернувшись, побрел к выходу.

– Это ты мне указываешь? Это ты, козел, с бугром так разговариваешь? Забыл, как тебя наказали? Хочешь, чтоб еще раз пописали? Так я тебе сейчас... Да я тебе...

Как это так случилось – Степка и сам не мог понять. Нога как-то так сама потянулась и опять пнула Сынка. Степка-то как раз не хотел, а нога пнула.

– Ой... – отскочив назад, Степка глупо заулыбался, как нашкодивший мальчишка.

Сынок повернулся, подошел к нему и легонько ткнул кулаком в грудь. От этого тычка Степка охнул, согнулся пополам и упал на пол. Ни слова не говоря, Сынок взял его за ногу и потащил к выходу.

– Пусти, сука, убью... Ну все! Если не отпустишь, я тебя...

Сынок прямо за ногу поднял Степку над полом, раскачал и отпустил.

– А-а-а! – Пролетев пару метров, бугор с грохотом шмякнулся на пол. От боли перед глазами зачирикали птички. Когда эти птички улетели, Степка с трудом поднялся на ноги и огляделся по сторонам. Сынка нигде не было.

Жутко болела спина и ныл затылок, которым он грохнулся о дощатый пол. Но это не страшно, впервой, что ли. Главное, что никто не видел, – значит, Степка все еще бугор. С этим детиной он еще найдет, как разобраться, главное, чтоб не разжаловали...

Башмаки свои Сынок так и не нашел. Во время зарядки и завтрака обшарил глазами полторы сотни пар ног – больших, маленьких, кривых, хромых, косолапых. Его башмаков на этих ногах не было. Впрочем, и немудрено, рассудил он трезво, кто же с утра наденет башмаки, которые стащил ночью? Такое может сделать только какой-нибудь неопытный воришка, но здесь-то все такие ушлые – кого хочешь разуют-разденут, да он им еще и должен останется.

На работу пришлось идти босиком. Никого это, правда, совсем не волновало – на дворе лето, тепло, сухо.

Основную часть бомжей развели, как здесь это называли, «по секциям». Сынок с первого дня был нелюбим местными командирами и его ставили на самую тяжелую работу.

Работать сегодня Сынку предстояло там же, где и всегда, – на разгрузке цемента. Целыми днями в монастырь шли груженные цементом машины. Их разгружали, цемент складывали под навесом. Потом за цементом приходили другие машины, которые надо было загружать. Откуда приходили одни машины и куда уходили другие – оставалось только догадываться.

Работа эта Сынку нравилась. Мешок ставили ему на спину и он нес его от одной точки до другой. Порожняком обратно, опять мешок на спину и опять от одной точки до другой. Он с одной своей рукой вполне справлялся с этим нехитрым действием. В перерывах между машинами можно поваляться под навесом и подремать или послушать, о чем болтают соседи. Но те обычно хвастали друг перед другом, какими важными людьми они были до того, как с ними случилось страшное несчастье, и поэтому слушать их было противно. Бугры, от которых о многом хотелось узнать, в разговор с работягами не вступали.

Сегодня его снова отправили на погрузку. Машина уже стояла у ворот, к выходу пере- дом – к бомжам задом, как избушка. Сынку уже поставили на спину мешок, уже он его отнес и аккуратно, чтоб не порвать, поставил под навес, когда его позвал бугор:

– Эй, калека, хромай сюда!

Отряхнув цемент с плеч, Сынок подошел.

– Иди, там тебе другую работу припасли, – сказал бугор и кивнул в сторону другого надсмотрщика. – Там сделаешь и бегом сюда. Через полчаса тебя нет – я в гневе. Все понял?

– Все. – Сынок кивнул.

– Чего-чего?! Как отвечаешь? – Этот бугор, видно, когда-то был военным. – Не слышу, еще раз!

– Так точно, товарищ охранник, будет исполнено! – браво выкрикнул Сынок, вытянувшись по стойке «смирно».

– Молодец, Сынок! Шаго-ом ар-рш!

Прошагав несколько шагов как заправский вояка, Сынок подошел к длинному худосочному бугру по кличке Исмаил. Кличку эту ему дали, наверно, из-за его раскосых глаз, а может, из-за того, что он говорил с каким-то легким неумовимым акцентом.

– К садовым домикам топай, – тихо промямлил Исмаил, – работа там тебя ждет.

Садовыми домами называли два нужника, которые одиноко стояли в дальнем углу за бывшей трапезной, рядом со свалкой. Нужники тоже были одной из привилегий бугров. Остальные вынуждены были справлять свою нужду в огромном сортире с длинным рядом очков, причем и мужчины и женщины вместе. Правда, буграм, чтобы воспользоваться этой привилегией, иногда приходилось тащиться из одного конца монастыря в другой, но все неудобства искупались сознанием собственной исключительности.

Сынок сразу почувствовал неладное, как только издали увидел, что у нужников стоят и курят еще двое бугров. Можно, конечно, предположить, что все кабинки заняты, но вряд ли.

– Чего делать? – спокойно спросил он, остановившись неподалеку.

– Пердеть и бегать! – ответил один из надзирателей. Раздался дружный смех.

Сынок даже не улыбнулся. Продолжал стоять на месте, рассматривая большие пальцы собственных ног со сбитыми желтыми ногтями.

– Чего стоишь? Иди говно вывози! – приказал один из надзирателей, подтолкнув Сынка в плечо.

Тачка с фекалиями стояла за нужниками. Ее нужно было везти в другой конец монастыря, там выливать в канализационный люк и потом пустую толкать обратно. Да собственно это и не тачка была, а простой бак с приделанными к нему колесиками и двумя ручками. Плевое дело для любого другого. Но не для Сынка. Ему с его одной рукой нечего было даже и стараться.

– Я не смогу, – спокойно заявил он, выйдя из-за нужников, и тут заметил, что рядом с буграми появился Степка.

И все сразу стало ясно и понятно.

– А с какого это хрена, позволь поинтересоваться, ты не сможешь? – развязно спросил Степка, тем не менее предусмотрительно спрятавшись за спину Исмаила. – А почему это ты отказываешься? Может, ты хочешь сказать, что тебе не нравится наше дерьмецо?

– Да уж лучше, чем хозяева, – тихо ответил Сынок, посмотрев Степке прямо в глаза и сжав руку в кулак. Он прикинул, что если первым вырубить того маленького, с кулаками как детские головки, потом сразу переключиться на Исмаила, то еще вполне возможно, что переломают не все ребра, а только половину.

Но в руке у Степки неожиданно блеснуло тонкое жало ножа. И это было совсем другое дело. Ножей Сынок не любил. А после скальпеля, которым располосовали его грудь, так и вовсе ненавидел.

– Просто у меня одна рука, – вдруг начал как-то виновато оправдываться он, – и я могу разлить по дороге, может, вам лучше кого-нибудь здорового попросить?

Как только зверь чувствует, что соперник явно слабее, он начинает наступать. Кто сказал, что человек лучше?

– Ты че, гнида лобковая, страх совсем потерял? – дружно заорали они все. – Ты чего, работать отказываешься? Совсем уже старших уважать перестал? А может, тебя научить надо, как старших слушаться?

Сынок ни на мгновение не выпускал из виду тонкое блестящее жало. Все остальное было сейчас не так важно.

– Если каплю прольешь, мы тебя в этом баке утопим, сучонок. Ты все понял? В глаза смотреть!

Сынок пятился до тех пор, пока не уперся в стенку. Уже хорошо, значит, никто не нападет сзади.

Степка только на какое-то мгновение вышел из-за спины Исмаила. Только на какое мгновение. И подошел слишком близко. В следующий момент что-то хрустнуло в локте, резкая боль пронзила все тело, и он почувствовал, что лежит на земле, придавленный чьей-то ногой.

Сынок едва успел схватить эту ненавистную руку с ножом, едва успел вывихнуть ее, а нож отбросить в сторону, как на него навалилось трое человек. Били жестоко и умело – по почкам, по ногам, по голове. Но Сынок почти ничего не чувствовал. Увернувшись от очередного удара, он вдруг схватил с земли черенок от сломанной лопаты и с размаху ударил по тому месту, где только что видел в человеческой массе чьи-то глаза. Раздался истошный вопль, и чьи-то подошвы мелькнули в воздухе. Где-то он уже видел эти подошвы...

Он махал этой импровизированной дубиной до тех пор, пока она не вылетела у него из руки. Сейчас он был похож на раненого медведя, окруженного сворой псов. Псы вились вокруг него, кусали за лапы, но ни один не решался вцепиться в глотку.

Исмаил вдруг выхватил из-за пазухи цепь. Все даже шарахнулись в разные стороны, чтобы случайно не задело.

– На, с-сука! – Цепь звякнула в воздухе своими тяжелыми звеньями.

Сынок успел присесть в самый последний момент. Еще какую-нибудь долю секундочки, и удар этой цепи раскроил бы Сынку череп. Но только каменная крошка брызнула по щекам. Сынок сильно боднул Исмаила головой в живот. От неожиданности тот охнул и согнулся пополам. Все остальное было делом техники – удар ногой по роже, еще удар по корпусу – и противник готов надолго.

– Ну, подходи, пацаны! – вдруг взревел Сынок. – Кто первый?!

Но первого не нашлось. Исмаил никак не мог встать на ноги, а Степка, поскуливая, отполз в сторону и материл Сынка во весь голос:

– Ты, падла, еще поплаतिшься! Ты у меня еще поплатишься, падла! Я с тобой, гад, еще поkvитаюсь! Тебе теперь не жить, ты понял?! Тебе теперь точно не жить!

На ногах остался стоять только один надзиратель, да и то как-то не очень уверенно. Был еще один, но тот, видно, решил не ждать, чем все кончится, и сбежал.

– Ну, я пойду? – спокойно спросил Сынок у этого бугра.

– Что? – Не совсем понял тот. – А, да, конечно, можешь.

Сынок уже хотел идти, но вдруг посмотрел на ноги этого бугра.

– Снимай башмаки, – приказал он.

– Чего? – переспросил надзиратель.

– Башмаки снимай, – повторил Сынок. – Это мои башмаки.

Надзиратель растерянно огляделся по сторонам в поисках поддержки и увидел Исмаила. Исмаил, хоть и поднялся на ноги, но предпочел не вмешиваться.

– Давай-давай, скидывай. Или мне помочь?

– Нет-нет, я сам... – Бугор сел на землю и принялся трясущимися пальцами расшнуровывать обувь.

Натянув башмаки на ноги, Сынок подошел к босому надзирателю и вежливо попросил:

– Зашнуруй мне, пожалуйста, а то мне одной рукой неудобно.

– Я тебе шнуровать? – Бугор не мог поверить своим ушам.

– Шнуруй! – вдруг послышался голос Исмаила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.